

АНАСТАСИЯ БУЛЫГИНА

ИНСТАГРАМ

ПОВЕСТЬ

Глава 1. Гнев Посейдона

— Доброе утро, мои хорошики! У меня вот утро начинается не с к... Чёрт, блин! — Пальчик с длинным наращённым ногтем клацнул на крестик в левом верхнем углу экрана. Аня выпрямила шею, посмотрелась в телефон со всех ракурсов и расправила плечи, несколько раз порепетировала улыбку зубами — зря, что ли, шесть тысяч на отбеливание тратила? — Все-е-ем доброе утро, мои хорошики! Я вот завтракаю. — Перевернула камеру с фронтальной на заднюю. — Пью кофеёк с пенкой, круассан... — Провела тонкими пальцами по краю тарелки так, чтобы подписчики непременно оценили её маникюр. — Со...

Вдруг прямо из-за стены комнаты, дверь в которую была распахнута, раздалось мозговыносящее “др-р-р-р-р” соседского перфоратора — тот будто бы специально подбирал момент, как бы сорвать наиболее удачный дубль.

— Да какого чёрта! — раздалось на всю улицу с четвёртого этажа кирпичной пятиэтажки. — Уже одиннадцать, а я ничего не выложила, чёрт-чёрт-чёрт...

Аня понимала, что теперь надо действовать на опережение. Проиграть битву перфоратору не входило в её планы, а планы у неё, разумеется, грандиозные. Под сопровождение заунывного “др-р-р-р...” она решительно вошла на кухню, налила в гранёный стакан воды из фильтра, махом её выпила и вернулась на “съёмочную площадку”. В последний момент схватила со

БУЛЫГИНА Анастасия Максимовна родилась в 1998 году в Кисловодске. В 2021 году окончила Литературный институт им. М. Горького, семинар очерка и публицистики Ф. С. Нагимова. Живёт в Москве. Повесть “Инстаграм” — дебют начинающей писательницы.

стола вазочку, которая почти свалилась из-за перевесивших её красных гербер. Но оказалось поздно — кофейный столик для завтраков на балконе залит водой, как и весьма инстаграмный миндальный круассан.

Казалось, хуже некуда. Но это только начало дня.

Аня выхватила из икеевского шкафа потёртые джинсы и белоснежный худи. Запрыгнула в один кроссовок, поскользнулась на лужице, запрыгнула в другой. Стоп, откуда здесь лужа? Аня щёлкнула дверной ручкой ванны, и на неё выплеснулся шквал тёплой мыльной воды. Пена заполонила всё: сожрала смеситель, бутылочки с шампунями, скрабами и даже перевалилась на раковину, безжалостно, как оползень. Аню обдало горячим влажным потоком воздуха. Зеркало запотело, пена поднималась всё выше, сползала вниз и уже подступала к шиколоткам рыдающей девушке. Финальным аккордом врубился перфоратор.

— Я не могу так больше, Маш. Правда. — Ментоловая сигарета на мгновение прилипла к губам. — Охваты падают, соседи требуют бабки за ремонт. Тысяч сорок или около того, у них там всё по потолку пошло, вроде не сильно, но они этот ремонт проклятый в прошлом месяце закончили. Новый, короче, поняла? Другие соседи тоже ремонт затеяли, жужжат постоянно, каждую минуту их тупой жизни. А мне за квартиру платить надо, я, правда, хз, что делать вообще. Слушай, а ты это, мне занять не можешь? Хоть десятку. Блин, звучит отстойно. Ну ладно. — Голос дрогнул. — Ладно, я справлюсь! Всё нормально. Да не переживай, всё нормально, да. Ага. Не-не, приезжать не надо, правда. Ага. Всё, добро-добро. Пока.

В тот момент она больше всего хотела сжать телефон так, чтобы он треснул, развалился на винтики и осколки, а потом и вовсе исчез. Но...

— Алё, мамуль, привет, да. Как дела у вас? Стараетесь? Это хорошо... А Саша как? Работает? Ну хорошо... У меня как? Да ничего, мам, нормально. В институт хожу, да, ты же знаешь. Учусь хорошо, ага. Честно, не знаю, когда приеду. Я устала так, не высыпаюсь. Кушаю хорошо. Да голос не грустный, тебе кажется. Устала просто, говорю же. Да... Ну ладно, давай, мне домашку делать надо. Завтра в инсту к десяти. Целую тебя! Папе привет. Давай. Поки.

В Москве стоял удивительно тёплый сентябрь. Солнце лилось во все окна, цеплялось за столики кофеен, вилось среди спин и зажмуренных лиц, подыгрывало сопрано московской суете. Люди встречались и расходились у вестибюлей метро, ругались и любили, заливисто смеялись и глупо, неловко молчали. В такие дни кажется, будто города лучше на Земле ещё не придумали. Париж? Дубай? А чего в них? В них нет Москвы.

Аня переехала из крошечного крымского города со звучным названием Алупка. Почти три года назад её матушка горевала у выкрашенной зелёной краской калитки, сминая носовой платок. Её округлённые обожжённые плечи прикрывала павлопосадская “Русская красавица”. Аня почему-то очень хорошо запомнила этот момент: выцветший платок, давно потерявший прежний лоск, с грустными верёвочками по кайме и цветастыми фестонами, как-то особенно тоскливо обнимал мамку в тридцатисемиградусную жару. Она плакала, облокотившись на столбик калитки, и время от времени крестила Аню, повторяя: “Ангел мой, пойдём со мной, ты вперёд, я — за тобой”. Потом эта тучная женщина в платке собралась, приосанилась и шлёпнула губами как-то даже по-отечески по двум щекам дочки. Раздались характерные “чпоньк”. Мама отгнала ей майку, чтобы та наверняка прикрывала пупок, подтянула джинсовые шорты, бережно стёрла со щёк Ани помаду, которой не было. С обеих сторон обхватила хрупкие плечи и приподняла их, смотря прямо в глаза:

— Доня, ты справишься. Господь с тобой. А если трудно будет, то встань на колени, молись Богу с надеждой на то, что Он услышит.

И снова в слёзы.

Игорь вовремя подъехал к дому Ани. Из-под горячих покрышек клубилась пыль просёлочной дороги. Он даже попытался круто повернуть задними колесами, когда подбегал, и выдавить рык мотора, но вместо этого съехал на обочину. Хорошо, что резко затормозил и не наехал на будущую тёщу. А может, и не надо было тормозить?..

Игорёк открыл дверцу старенького “Опеля” прямо из салона, упираясь грудью в ручник. Та поддалась не сразу — пришлось ловить нужный момент, чтобы дверца отворилась.

— Ну, мама, долгое прощание — лишние слёзы. Анька, ну-к забирайся. В аэропорту не успеем. — Игорь улыбался, грудастая женщина на его салатовой футболке смялась в дурацкой гримасе.

— Здравсьте-приехали. Ни здрасьте, ни до свиданья. Ты чё такой дерзкий-то, а?

— Ма...

— И не мамкай мне тут! — Елена Ильдаровна отстранила руку Анюты, устремлённую к открытой двери. — Если ты его в Москву потащишь, я тебе все патлы поотдираю. Дебилы там не нужны, поняла? Он тебе жизни не даст, учиться не даст, ну на машине, и чего? Аня, не занимайся хренотой, ты у нас одна надежда на будущее, такой шанс только раз в жизни даётся Господом, поняла меня? Ну всё. Долгое прощание — лишние слёзы... Будь счастлива, моя донечка, ты у меня самая красивая! Образованная будешь...

У южан есть одна странность в характере: чувство всеобъемлющей любви с особенной частотой сменяется пылкой ненавистью. Причём для такого твиста не нужны особенные обстоятельства. У калитки мама Ани показала всю гамму эмоций и чувств. Нет сомнений, что в этой закономерности повинен климат — им просто напекает головы.

Аня молча села на переднее сиденье “Опеля”. Её внутреннюю сторону бёдер неприятно обжигало нагретое сиденье с прожжённым чехлом. Она пристегнулась, достала из рюкзака солнцезащитные очки и отвернулась к окну. В тот момент они выезжали из частного сектора, в котором восемнадцать лет прожила Аня Цвилёва, самая красивая девчонка Алупки, проезжала и тихонько всхлипывала о безнадежно уходящем детстве.

Глава 2. Такая натура

— Лерусь, привет! Ты как сегодня? Может, это, потусить сходим? Я вообще не вывожу, честно говоря. У меня какой-то жёсткий такой застой, нужны бабки срочно. Да чего случилось, соседей затопила, а у них новый ремонт. Недавно сделали. И прикинь, рекламу никто не заказал в этом месяце. То есть, понимаешь, да, всю тупость положения? — Аня невесело засмеялась. — Да давай сходим, развеемся. Или хочешь, ко мне приезжай? Вина выпьем, поболтаем... Только это, вино возьмёшь? Зачем одну? Две, конечно, мы давно не виделись. Сторис снимаем.

Аня устало присела на икеевский стул и закурила. Сейчас она хмурила лоб только по одному поводу: где срочно найти деньги на ремонт, а потом и на аренду квартиры, чтобы в итоге не рвануть по направлению Москва-Симферополь-Алупка. Этого она себе позволить не могла. Да и что скажут люди? Это ведь про неё, да, про Аню Цвилёву, которую единственную из школы взяли в московский педагогический, которая единственная сдавала ЕГЭ по обществознанию и в итоге чудом пролезла по целевому в неплохой такой вуз. Максимум, чего добились её одноклассники, — работы на набережной Чёрного моря. Сувенирные лавчонки там, кафешки, маленькие вагончики с кофемашинами и вечно засахаренными пальцами от сладкой ваты. А что мать скажет? Она ведь не от лучшей жизни целыми днями торчит на работе и мутзит отчима, который приезжает с вахты и проводит выходные в беспробудном запое. “Такая натура у моряков”, — постоянно говорит она, хотя и не верит своим словам.

Саша, отчим, познакомился с Еленой Ильдаровной на севастопольской набережной. Тогда она работала в сувенирке и продавала текстиль и всякую мелочевку — магниты, мешочки с лавандой, чай, кружки с надписями “Любимой маме из Крыма” и украинским гербом, приправы и чай, сувенирные кухонные доски с морскими и горными пейзажами, шляпки, шлёпки и полотенца. Словом, всё то, что с интересом рассматривают туристы и не так

часто покупают. Орёл на памятнике “Затонувшим кораблям” по обыкновению устремлял взгляд за морской горизонт, золотом переливаясь на солнце, местные вперемежку с туристами прогуливались по Нахимовскому проспекту, кто-то из них шёл на городской пляж, вооружившись полотенцами и купальниками. Неподальёку пришвартовалось какое-то судно, и разрозненный строй молодых морячков рассредоточился по набережной. Среди них был он — стройный, красивый, с ослепительной улыбкой и наглым взглядом. Он сразу приглянулся Елене Ильдаровне среди прочих и, как по волшебству, подошёл именно к её ларьку.

— Здравствуйте! — бросил он, как по команде капитана. — Какие у вас тут браслеты... А какой вам больше нравится?

Елена Ильдаровна жутко смутилась — ей, тридцатидвухлетней жене моряка в плавании, игрушки таких вот сопляков были совсем чужды. Да и какая ему разница, что из этого барахла нравится ей?

— Вот этот красивый. А вы чего это, девушке ищите? Из рейса?

Щёки её багровели — она это чувствовала, но никак не могла понять, в чём дело. От него веяло морскими бурями и опаляющим солнцем, тяжёлым ручным трудом и силой характера, смелостью и мечтами, юностью. Да и просто потом. Елена Ильдаровна влюбилась резко и бесповоротно, безнадёжно. А дальше сбежала с ним из Севастополя в Алуку, сбежала от мужа, который вернулся после полугодового рейса в пустую квартиру, сбежала в неизвестность, сбежала в морскую пучину страстей и зажиманий по подворотням, романтических свиданий в прибрежных кафешках — будто ей снова пятнадцать. Только потом выяснилось, что на момент встречи она уже носила под сердцем Аню от бывшего мужа, с которым толком не развелась. А браслетик Саша тогда, на набережной, оплатил и нацепил ей на руку. В тот день Елена Ильдаровна впервые рассмотрела его юные руки с длинными пальцами и немного потрескавшейся кожей. Это был его первый рейс, и он только-только вышел из военно-морского училища.

В общем, ситуация странная и сложная. Спустя годы Саша превратился из сочного морячка в красивой белоснежной фуражке в обрюзгшего черно-рабочего на грузовых судах. Его юношеское великолепие как-то быстро улетучилось, флёр влюблённости унесло морским ветром. Сперва он работал тридцать на тридцать — месяц торчал на судне и рассматривал дырку в носке с пристальным вниманием, а месяц проводил с Еленой Ильдаровной и маленькой Анечкой. Потом уходил в море месяца на три, а потом и вовсе на полгода-год. Короткие встречи с семьёй не приносили радости ни одной из сторон. Дошло до того, что Саша запил, а мать начала его поколачивать. Сначала несильно, так, щелбанами и взмахами нехрупкого крыла, а потом дошло до поломки мебели. Но ведь родителей не выбирают, правда?

С биологическим отцом Аня не встречалась до пятнадцати лет. Он как-то нашёл её ВКонтакте и написал, мол, так и так, приезжай в Севастополь, поживи у меня, пообщаемся хоть. Она с большим волнением и трепетом прыгнула в автобус, закинув в рюкзак пару шорт и маек — тогда ничего, абсолютно ничего не имело значения. Стояло лето, большой туристический поток. Оказалось, что в море отец ходить перестал, на скопленные купил маленькую яхту и катал туристов по бухтам Севастополя. Шуршащее радио рыгало аудиозаписью исторической экскурсии, но за шумом мотора её почти не было слышно. В основном туристы фотографировались и глазели по сторонам, а иногда перегибались за борт и трогали море. Они приходили в детский восторг от солёных брызг, а какая-нибудь тётенька хотя бы раз в неделю роняла солнечные очки или фотоаппарат в воду. Встреча Ани с отцом прошла странно, но они сразу нашли общий язык. Он даже предложил ей с ним поработать — зазывать народ на экскурсии и кокетничать, чтобы те непременно “классно провели время на борту настоящего моряка”. В тот жаркий день они заработали тысячу тридцать, не меньше. Олег (звали его так) оставил наличку в бардачке пришвартованной яхты и позвал Аню пройтись по набережной — поесть мороженого. Когда они вернулись, денег не оказалось, и разъярённый рослый мужик обвинил в краже Аню и приказал выметаться из его квартиры и забыть о его существовании. Вслед ключам от

квартиры посыпались оскорбления и проклятия. Конечно, в отвратительном воспитании Олег обвинил Елену Ильдаровну. А ещё он добавил, что Аня “слаба на передок”, в точности как “её конченная мамаша”.

Больше с отцом Аня не виделась и не общалась.

Лера обещала приехать ближе к вечеру, часов в шесть. До этого времени Аня наводила порядок. Широколистные монстры, выпрошенные у бывшего парня, гармонично вписывались в общий интерьер. Двухуровневая этажерка была заставлена цветочными горшками в строго определённом порядке: Аня давно выработала для них последовательность, которая хорошо смотрелась бы в кадре. На двадцати квадратных метрах располагалась её небольшая съёмная квартира. Выкрашенные белой краской стены, минималистичный интерьер, воздушные занавески из полупрозрачной органзы, стильные подушки, сложенные по порядку, идеально заправленный плед. На стеллаже, покосившись, скучали книги, украденные из антикафе, сундучки для косметики и вазы определённой цветовой гаммы: белая (гладкая, вытянутая), грязно-серая (шершавая, пузатая), бирюзовая (ребристая, кувшинообразная) и розовая (фарфоровая, с вылепленными розочками и позолоченными краями). Последнюю она давно хотела выкинуть, но не могла — Елена Ильдаровна прислала её в подарок на окончание второго курса. В этой квартире везде был хороший свет, приятная картинка, изысканный аромат. И плевать, что под кроватью молили о стирке грязные носки, а шкафы, готовые вывалить кучу скомканной одежды на любого, кто вдруг отворит их дверцы, пахли от ненужного шмотья и немодных босоножек.

— Ну что, мои хорошие, как настроение? — улыбалась Аня фронтальной камере. — Не переживайте, я не пропала, всё о-о-оки. Сейчас Лерусик приедет, будем сплетничать, — искусственно засмеялась она. — Целую, не теряйте!

Честно говоря, её особо никто и не терял. Среди двухсот тысяч подписчиков затесалась чуть ли не треть пустых аккаунтов и магазинов самого разного наполнения. Вот здесь можно заказать айфон с большой скидкой, здесь — купить одежду для беременных по приятной цене, а вот здесь втридорога продавали аксессуары с Алиэкспресс. Зимние ботинки от популярных брендов “ну, точно оригинал”, ортопедические стельки и компрессионные чулки, благоволия и тайские фрукты “привезём на следующий день”, сумочки и гайды “как похудеть на двенадцать килограммов на конфетах и бургерах”. Словом, Инстаграм превратился из маленькой соцсети про красивые фотки с пикника в гигантскую онлайн-свалку. Аня с какой-то маниакальной зависимостью просматривала все эти аккаунты, скидывала подружкам, комментировала посты, даже если не понимала, о чём они, клацала ноготками по экрану почти каждую минуту своей жизни, лайкала, лайкала, лайкала. Иногда она даже забывала поесть, когда писала посты для своих полуобнажённых фотографий с глубинным смыслом. Сейчас она, кстати, этим и занималась.

anutka.shtuchka КАК ДОБИТЬСЯ УСПЕХА В ЖИЗНИ

Знаете, у меня часто спрашивают, как я добилась своих высот в 20 лет.

Ну, там, своя квартира, красивые рестораны и такси.

Как я красиво выгляжу на 200% каждый день, даже когда выбрасываю мусор?.. Девочка из маленького города, покорившая Москву в таком маленьком возрасте.

Москва — она такая... каждый день разная. Вы замечали, что у нее, как у настоящего человека, свой характер?

Она такая могучая и можно найти все что угодно

после 12 ночи, можно заказать еду в...

Чёрт, рекламу же не утвердили в итоге! Аня зажала кнопку “стереть”. Пост про @delivery сперва по букве, потом и по целым строкам улетел в виртуальное небытие. Строчки весело скакали, в отличие от нахмуренных бровей Ани, — за такой вот рекламный пост она бы смогла получить несколько тысяч, чтобы заткнуть финансовые дыры в её непростой ситуации. В последний

момент SMM службы доставки расторгла договорённость, так как внезапно обратила внимание, что “количество активной аудитории нерентабельно для нашего бренда”, “обратимся чуть позже”. По контент-плану @anutka.shtuchka отставать не собиралась, поэтому, будучи почти в ярости, с особым чувством, толком и расстановкой писала следующий пост.

anutka.shtuchka 7 СПОСОБОВ СДЕЛАТЬ КУДРИ БЕЗ ПЛОЙКИ...

Но тут в дверь позвонили, и Ане нужно было снять, как она открывает её и встречает любимую подружку с двумя бутылочками вина. Но за дверью оказалась не Лера.

Глава 3. Не без пороков

В школьные годы Аня всегда была в центре внимания. Немудрено — идеальный макияж, выглаженная одежда, чистенькая обувь. Отлично сложенная фигурка, красивое лицо и волосы образцового оттенка блонда. За Аней ухаживала почти половина Алупки. А те, кто не ухаживал, был либо лохом, либо в отношениях. Класса с шестого ей дарили подарки, оставляли записки в кармане куртки, уступали место в столовой за самым престижным столом старшеклассников. Сквозило в ней какое-то очарование, заключающееся, что ли, в дерзости и принципиальности — Аня не посмотрела бы в сторону парня, который не сделал для неё широкий жест. Кто-то копил деньги с завтраков, кто-то подворовывал у предков или выбивал мелочь у младшеклассников, кто-то продавал заведомо неправильные решения контрольных и самостоятельных в туалете. Парни для неё готовы были пойти на всё, только бы увидеть вблизи. Те, кому Аня благоволила, удостоивались чести сходить с ней на море и поваляться на пляже. А с теми, кого Цвилёва считала наиболее перспективными, она даже ходила в прибрежные кафе, но не более двух раз, чтобы не зазнавались. Поговаривали, что даже сам физрук засматривался на неё, когда после летних каникул у школьницы внезапно выросла грудь, и на урок она пришла в обтягивающей майке.

Аню такое положение в обществе устраивало. Она с гордостью несла свой крест красотики и получала невероятное удовольствие, когда по её щелчку весь класс мог ополчиться против наглой замухрышки, которая не дала списать. Так, в восьмом классе по её велению довели Марину Котову, да так, что бедняга вынужденно перешла в другую школу. Слух о том, что виной этому была Цвилёва, быстро дошёл до директора и завуча. Вызвали Елену Ильдаровну. За директорской дверью стоял визг — сложно разобрать, кто кричал больше. Через сорок минут томительного ожидания мать выскочила, схватила дочь за руку и помчалась с ней к выходу, однако через пару дней отсутствия в школе директор сам позвонил и попросил вернуться. “Надеюсь, конфликт мы уладили. Анечка показывает хорошие результаты по многим предметам, у этой девочки большое будущее... А мама Марины сказала, что они переезжают в другой город, поэтому и... вынуждены были сменить учебное заведение. Вы не переживайте, да, не переживайте”. Марина Котова, к сожалению, такой удар вытерпеть не смогла, и только потом все узнали, что на самом деле девочка слегла в лечебницу после неудачной, в силу возраста, попытки суицида.

Муки совести? С таким Анюта не сталкивалась. Когда в десятом классе она накинута на девочку из параллельного класса, которая начала встречаться с её бывшим парнем, за сломанный нос она ни капельки не извинилась. После этого её таскали по исправительным инстанциям, контролировали с особым усердием, приходили несколько раз домой из опеки, чтобы удостовериться, что девочка живёт в нормальных условиях, а она просто хлопала глазами и улыбалась. На вопрос: “Почему ты так сделала?” — Аня отвечала: “Хотела уберечь её, короче, от ходячего на двух ногах кобеля”. Спустя некоторое время её сняли с учёта “за успехи в учёбе и активное участие в школьных мероприятиях”. А стоило всего-то приловчиться списывать и выступать на Дне учителя со стихотворением собственного сочинения.

*Я приду на уроки во вторник.
Я приду на уроки и в среду.
Я приду всегда на субботник!
Школы лучше на свете нету!
Я приду и на помощь другу!
Я останусь после уроков!
Протяну свою честную руку,
Хоть я и не без пороков.*

Последнюю строку своего сочинения она никак не могла придумать, поэтому попросила помощи у отличницы. Получилось не очень, но учителя были тронуты такой искренностью и искромётностью слога — они долго шептались о том, что у Ани определённый поэтический талант, и прочили ей литературную судьбу. Директор после выступления хлопала в ладоши вплоть до того момента, как на сцене появились пятиклашки в очаровательных белых платьях с танцем лебедей.

Ну, а дальше вы знаете. Короче говоря, Аня открыла дверь.

— Опа-це! Малая, а ты вымахала!

На пороге её московской съёмной квартиры стоял молодой человек с букетом белых хризантем. Он так ярко жестикулировал, что замученные цветы скорбно роняли крошечные лепестки на пол. Парень бесцеремонно шагнул в квартиру со словами: “Через порог не передают!” — и всучил букет Ане в руки. Их стебли были прелыми и тёплыми, а несколько цветков печально склонили головы. Аня не могла выдать из себя ни слова — она туло смотрела сквозь Игоря и только материлась про себя.

— А... а я тебя не ждала, вообще-то.

— Анют, ну как это “не ждала”? — Игорь по-идиотски кого-то спародировал. — Я же говорил, что найду тебя, и мы будем вместе, и будем растить детей, и переедем из перди в Севас, ну, или Москву!

Их последняя встреча у аэропорта Симферополя закончилась, разумеется, пылкими обещаниями о совместном светлом будущем. Именно в тот день Аня лишилась невинности в стареньком “Опеле” на парковке за полтора часа до вылета.

Этот день она предпочитала вычёркивать из воспоминаний — душно и невыносимо. Даже по животным меркам, Игорь вёл себя отвратительно. На мольбы о пощаде, конечно, никак не реагировал. Аня запомнила его глаза — налитые нечеловеческой страстью, жадные, пожирающие, преступные. Её хрупкое тело беспомощно вжималось в прокуренное заднее сидение отцовского автомобиля и содрогалось в конвульсиях. Игорь пережимал её запястья до хруста пальцев, задира л майку и хищно сдавливал груди, кусал шею и губы до кровавых подтёков, нещадно бил по лицу и безумно шептал: “Мы будем вместе, мы будем вместе, мы будем вместе...” Сильные руки сдавливали тоненькую шею, а из горла доносился лишь глупой хрип, обращённый в никуда.

— Полян у накрыла, Зая? Охо-хо ниho-хо себе квартирка!

Игорь по-хозяйски отодвинул Аню с прохода и вошёл на кухню. На белоснежном столе был идеально выстроенный натюрморт из плетёной корзины с фруктами, графина с водой и бокала-флейты, будто сошедший с глянцевого страници интерьерных каталогов. На подоконнике стояло две вазы разного размера. Из одной, больше похожей на янтарную каплю смолы, торчала красная гербера, из другой — несколько веточек сухоцветов. В рамке с ракушками стояла фотография Олега, чудом тиснутая из семейного альбома. Чёрно-белый снимок, как рассказывала мама, сделали у берегов Африки. Молодой матрос стоит и широко улыбается, отдавая честь фотографу. Видно, снимок рвали, но потом бережно склеивали. На столешнице, отделанной под некрасивый зелёный мрамор, свалена груда грязной посуды: деревянная доска, порезанная и попиленная вдоль и поперёк до шершавости, мисочки в яичной слизи, венчик с окаменелостями от прошлых готовок, вилки и ножи с остатками завтрака, сковородки и кастрюли, выстроенные шаткой пирамидой. Множество грязных кружек и стаканчиков со следами

губной помады. Задел под мрамор отлично сочетался с россыпью хлебных крошек, а вытяжка — с бахромой пыльных комьев. Эту часть Аня тщательно скрывала от глаз подписчиков, здесь было пространство для настоящей, неподдельной реальности, со всеми грязными стаканами и кастрюлями, остатками пищи, протухшими овощами, упаковками от чипсов и пакетами от доставки @delivery. Она терпеть не могла мыть посуду, поэтому надеялась на божественные силы, которые сделали бы так, чтобы ничего не пачкалось.

— Ну, Анютка, рассказывай, как ты тут? Как Москва?

Аня молчала, подбирая вазу для её нелюбимых белых хризантем. Выбор пал на самую страшенькую — фарфоровую, с вылепленными розочками и позолоченными краями. Некрасивым цветам — некрасивая ваза.

Горло жгло от чудовищной обиды, зарытой под грудой старых воспоминаний. После случившегося в машине она долгое время ничего не испытывала. Абсолютная пустота, выжженное поле, вакуум. Аня почти ничего не помнила — ни первого полёта на самолёте, ни зоны досмотра, ни первого сентября в институте, ни заселения в общежитие, ни знакомства с однокурсниками. Через полтора месяца после переезда в Москву она обнаружила задержку — почти все скопленные Еленой Ильдаровной деньги ушли на то, чтобы убить крохотное чудовище внутри себя.

Это был первый раз, когда победила не она, а её.

Раздался звонок в дверь. Кукольного вида Лера с восторженными визгами от долгожданной встречи ворвалась за порог и не сразу поняла, что на неё не смотрит камера айфона, а значит, можно вести себя спокойнее.

— Аню-ю-ют, а ты чего не снимаешь? Мы ж всегда так делаем... Ань? Ты чего такая хмурая? Зайка!

Подруга быстро скинула чёрную кожаную куртку и осталась в белоснежной майке. На точёных плечах виднелись покрасневшие следы от бретелек телесного бра, что поддерживал увесистую грудь. Обтягивающие джинсы вырисовывали красивый, сочный силуэт бёдер и стройные ноги. Она водрузила сумку на комод с перезвоном бутылок вина, скинула кроссовки и заключила обомлевшую @anutka.shtuchka в объятия. Только потом сняла беспроводные наушники и с характерным шелчком убрала их в кейс.

— Опа-а-а, а кто это? Анют, представишь нас?

— Я Игорян, хе-хе, будущий муж Аньки. Она, кстати, не рассказывала, что у неё такие симпатичные подружки тут в Москве.

— А... А я Лера, да.

— Ну, кхм, будем знакомы! — Игорь протянул навстречу Лере руку, но она как бы не заметила её и отстранилась. Без лишних слов вошла на кухню, прихватив сумку, и полезла в шкаф за бокалами и штопором. Игорь по-хозяйски взял грязную керамическую кружку со столешницы, ополоснул водой и подставил к Лере, которая чрезмерно уверенной рукой наливала красное полусладкое в два пузатых бокала с перламутровым напылением. Сколько недоумения было в её глазах, когда он, парень без малейших представлений о сервировке, посмел пить такое вино из кофейной кружки!

Лера кашлянула, взяла со стола айфон и включила любимую песню Тимати.

— Ну чё, красотки, чё в Москве посмотреть-то? Чё такие грустные-то, я не пойму?

Лера несколько раз нажала кнопку “-” на телефоне. Голос Тимати становился всё тише и тише, пока вовсе не умолк.

— Да нет, не грустные, тебе кажется. Слушай, а расскажи, а где вы с Аней познакомились?

— Ты чё, гонишь? Её каждая собака в городе знает. Она у нас это, звёздочка поднебесная. Я к ней подкатить пытался года два, наверно. Она в седьмом была, я в девятом. Два года морозила, ну, я в армию ушёл, здравствуй, небо в сапогах и всё такое. — Игорь засмеялся так, что его охватил приступ сухого кашля. Отхлебнул из чашки. — А потом пришёл, на права сдал, малая на тачку повелась. Вот так мы вместе, короче.

Аня встала из-за стола, взяла бокал и молча удалилась. В тот момент ей казалось, что “земля уходит из-под ног” — и это не художественная фигура.

anutka.shtuchka ЧТО ДЕЛАТЬ, КОГДА МИР РУШИТСЯ?

Знаете, жизнь идёт по спирали. Как говорят, что полосы есть белые и чёрные, так и витки спирали белые и чёрные. Однажды мама мне сказала, что “если сегодня хорошо, значит, завтра будет плохо”. Но я в это, конечно же, не верю. Надо быть уверенной в своих силах, ведь только у тебя есть кисти, ведь только ты можешь эти полосы нарисовать. Не так давно я попала в непростую ситуацию. На пороге моей квартиры появился человек, которого я несколько лет пыталась забыть. Он сделал мне очень больно. И знаете, он приехал и сделал вид, будто бы ничего не было!!! А я даже не в силах была его выпнуть из квартиры и объяснить, что моя душа болит до сих пор!!! Он разрушил мою жизнь один раз, он разрушил мою жизнь второй раз, он сделает это ещё тысячу раз. Люди не меняются, а лишь хорошо врут. Я не знаю, что мне делать и куда идти. Обычно я даю вам советы, что делать в той или иной ситуации, но теперь попрошу помощи у вас. Что делать, когда мир рушится???

Аня сидела на балконе и курила. Солнечные лучи припекали макушку. Нютонок кликнул по синим буквам “Опубликовать”. Через пару мгновений пост начали лайкать, полетели комментарии:

vecherino4ka: Держись, Анютка!!! Он будет гореть в аду!!!))

olga.bondina72: Что случилось? Анна, расскажите, что этот человек сделал?! Главное — не терять оптимизма. Вы найдёте себе достойного мужчину, который сможет защитить Вас. Всего Вам доброго!! Господь поможет.

katerina_gold: SOS!!! Собираем деньги на лечение кота!!! SOS!!! Митино!!! Ссылка в шапке профиля!!! Не оставайтесь равнодушными!!!

boris_ger: Анечка, вы великолепны. Ответьте в директ, пожалуйста. Хочется общения с вами.

big13hero: Вы знаете, я не понимаю мужчин, которые обижают женщин. Я с супругой 12 лет в браке, мы ругались всего несколько раз (прямо сильно) и очень любим друг друга. Ради любимых людей нужно делать хорошие поступки. Значит, он вас не любил, раз обижал! Зачем такой нужен???

marginalchunk: Ты смотри-ка! Навострил педали на такую кралю

rickachu_fem: Искренне считаю, что все проблемы женщин именно в таких абьюзерах. Очень надеюсь, что мы сможем победить тупых мужиков.

С кухни донёсся продолжительный вопль “А-а-а-ань!” Прыгать с балкона? Не, слишком высоко — переломает хребет/погибнет/останется инвалидом на всю жизнь. Не вариант. Тушить сигарету об руки? Зачем? Останутся шрамы, будет некрасиво. Народ будет тыкать пальцами и говорить, что она психопатка. А с длинными рукавами проходить всю жизнь — не вариант. Повеситься? Разве что на колготках. Кстати, а смысл?

Круговерть глупых мыслей заполонила несчастную блондинистую голову. Единственный вариант — признаться, да, признаться. Она тяжело переставляла ноги по направлению к кухне. Казалось, будто сердце оторвалось от тромбов и металось по всей грудной клетке.

— Ань, какая на хрен Алушка? Это чё за гонево? Ты ж говорила, что училась в Германии в школе и что там нельзя поднимать руку, когда ты хочешь ответить, нужно поднимать указательный палец?! Ты сейчас смеёшься надо мной, да?! Я, блин, думала, что мы подруги! Я, сука, терпеть не могу лгунов, которые могут так вот красивенько плести про себя небылицы, да ещё с такой убедительностью! Хочешь сказать, что ты и раком не болела?! Чё-о-о-орт, Ань, ну, это уже перебор, твою-то мать. Телефон давай сюда. Быстро телефон, я сказала!

Аня не могла выдать ни слова. Она молча протянула вибрирующий телефон Лере, опустив глаза куда-то в недра Земли. Жуткое чувство стыда жгло щёки, и как хорошо, что девушка предварительно заштукатурила лицо

добрым слоем тонального крема. Никто не подозревал, что под ним она жутко краснеет всякий раз, когда понимает, что облажалась. А лажала она, на самом деле, часто. Но никогда не признавалась в этом ни окружающим, ни себе. Выдать её могли только багровеющие щеки, которые она тщательно скрывала.

— И никогда, больше никогда не пиши мне и не звони больше! Это ж надо так, столько лет дружбы даже не коту под хвост, а я не знаю куда! В помойку, на свалку! Как бесит!

Игорь тупо смотрел на происходящее, не вмешиваясь. Груды Леры во время её истеричной жестикуляции привлекательно дрыгались в такт рукам. Он вроде бы даже радовался, что рассорил их в пух и прах, так как давно не видел таких красивых девушек с аппетитными, упругими формами. Лера схватила бутылку вина и хлебнула, случайно пролила несколько капель точно в декольте. Игорь аж заёрзал на табуретке, но вовремя опомнился и полез за салфетками.

— Вот, при тебе форматирую! Видишь, удаляю всё, что здесь было твоего! Ты понимаешь, что после такого дерьма я тупо не знаю, кто ты! Кому я доверяла столько всего, кому рассказывала самые сокровенные секреты, кого вытаскивала из задницы?! Я понятия не имею, кто ты! Лгунья. Всё, чао! Идиоты.

— Я и сама не знаю, кто я.

Этого Лера уже не услышала. Из коридора послышался громкий хлопок дверью. Игорь первый вышел на лестничную клетку.

— Ха, прикинь, малая, а я свои шмотки-то за дверью оставил. Настолько волновался, что сумку забыл, ха-ха-ха.

Парень бесцеремонно закинул спортивную сумку “Abibas” с тремя белыми полосками на плечо и понёс её в комнату. Он что-то бормотал о том, что спальня отличная, просторная, в угол можно поставить детскую кроватку, а с балкона-а-а вид! Заодно пошёл на перекур. Он уже давно приготовил сигаретку за ухом, да никак не находил подходящего момента.

Ане будто бы отрезали язык и отдали на съедение бродячим собакам. На карнизе сидел голубь и бессмысленно стучал клювом в её окно.

Без подруг тяжело. Без всех — тяжело. За всё время жизни в Москве Аня обзавелась только двумя близкими людьми. С Машей они познакомились в Инстаграме, под постом одного крупного блогера. Суть его заключалась в том, что люди обозначали свой город и цель знакомства. Аня написала пять или шесть одинаковых комментариев примерно такого содержания: “Привет! Я Аня, недавно переехала в Москву, ищу подруг!!! Обсуждать парней и болтать. Желание в личку!” Так ей написала Маша, весьма симпатичная девушка крупных габаритов. Родилась она в Краснодаре, приехала в Москву учиться. Всё было в Маше хорошо: она готова была содрать последний бюстгальтер за своих друзей, но наличествовал в ней и большой минус. Её было много, причём во всех смыслах. Спустя несколько встреч Аня поняла, что Маша — такой человек, и стоит держаться за неё, как за спасательный круг. Ведь она большая и добрая, а в случае чего сможет помочь.

Правда, с Машей в последнее время общение сошло на нет. Она влюбилась, каждую свободную и несвободную минуту посвящала возлюбленному.

С Лерой они случайно пересеклись в институтской столовой. Аня только постушила, а Лера училась на четвёртом курсе. Не особо важно, кто первый начал разговор. Важно то, что его было невозможно остановить. Они прогуляли пару, слоняясь между корпусами, курили и заливисто смеялись, болтая о том о сём, подписались друг на друга в Инстаграм и сделали пару фоток как подружки, которые давно не виделись. Через некоторое время они начали тусить вместе, ходить в клубы и кафешки, на выходных вместе ночевали в общежитии, когда соседки Ани уезжали к родителям. Для Ани Лера была безусловным авторитетом. Такие друзья очень редко попадают на жизненном пути. Именно с ней Аня попробовала текилу, самбуку, модные алкогольные коктейли и многое другое. В общем, спелись они душа в душу, стояли друг за друга горой, делились секретами и переживаниями. Одно “но”. Аня настолько боялась показаться неинтересной, что приписывала своей биографии

гораздо больше, чем было на самом деле. Так, она говорила, что родилась в маленьком русском южном городе, но предки сдали её в детдом. Её удочерила богатая немецкая семья и перевезла к себе в возрасте двенадцати лет. Аня якобы жила в Дрездене и ходила в местную школу, потом заболела раком, но её вылечили квалифицированные берлинские врачи, а потом семья её бросила, и её отправили на родину, потом она бегала от социальной защиты, ночевала на вокзалах, сменила имя, взяла обратно, потом поступила своей головой по внутренним экзаменам в педагогический, ну, а дальше познакомилась с Лерой. Подруга с большим сочувствием слушала эти истории и повторяла: “Бедная девочка! Бедная девочка!” На день рождения Ани Лера устроила большой праздник и подарила свой айфон, так как брала кредит на новый. Тогда Аня Цвилёва была на семнадцатом небе от счастья. Никто и никогда не делал для неё ничего подобного.

Она впервые почувствовала себя нужной. Но пучина лжи утаскивала её на дно. Чем дольше они дружили и общались, тем больше Аня становилась заложницей своей истории. Постепенно она сама начинала в неё верить. Рассказывала всякие интересные факты про школу в Германии, про бомжей на вокзалах, про полицию, в которой неоднократно оказывалась, про реабилитацию и так далее.

Без подруг тяжело. Тот день разлуки непрестанно вертелся у Ани в голове. Леру, бедную Леру она так жестоко обманывала несколько лет, а Лера верила, да, верила! Это в тысячу раз хуже предательства, это хуже миллиона колючих пледов, это хуже “МММ”. Но что ей оставалось делать, с другой-то стороны? Кому интересна изнасилованная девочка из Алупки? Неудачница, тушица, идиотка.

Игорь сидел на кухне и в одиночку лакал оставшееся вино. Достал кнопочную мобилку и начал играть в “Змейку” — пиксельная животина ползала по маленькому экранчику и пожирала фрукты. Хвост её разросся до таких размеров, что заполонил почти весь экран. Парень так разозлился на надпись “Game Over”, что аж проматерился вслух. Телефон он швырнул в карман, начал рассматривать кухню. На столе — перламутровый бокал Леры, в котором оставалось немного вина. Долго Игорь не мешкал и вылил содержимое в рот. Несколько капель пролилось на рубашку, Игорь плюнул на пальцы правой руки и попытался таким образом винишко застирать. Теперь вместо маленьких пятнышек на белой ткани красовалось одно большое фиолетовое пятно. “Да ёк-макарёк!” — выругался он и продолжил пить.

Аня сидела на балконе, закинув ноги на перила. Дуновения ветра разбрасывали по кофейному столику для инста-завтраков клубочки сигаретного пепла. Аня рассматривала свой маникюр и курила. Вот здесь отросла кутикула немножко, вот здесь нужно подпилить, а вот здесь отходит лак — нужно срочно написать мастеру и попроситься на коррекцию. Аня чуть отстранила от себя руку и посмотрела ногти на просвет. Длинные, острые, яркие. В другой руке тлела тонкая ментоловая сигарета. Она курила только такие, красивые и вкусные, с крепким холодком, который уже давно не обжигал горло. Аня рассматривала выпирающие коленные чашечки, проверяла икры на гладкость, разглядывала прохожих. В соседнем доме жила бабка, которую Аня часто видела с балкона, когда снимала завтраки для Инстаграма. Это старое, скрюченное тело с черепашьей скоростью куда-то ползло, волоча за собой клетчатую сумку на колесиках. Иногда Аня видела её на обратном пути и думала: “Это ж для чего тогда всё, если в старости жизнь вот так, блин, выглядит”, но быстро переключалась на лайки, репосты и посты.

Сто шестьдесят гигабайтов фотографий и видео Ани исчезли навсегда. Там ведь было всё — тусы, общага, селфи, референсы для фотосессий, сами фотосессии, её голые фотки, собачки и кошечки, которых она всегда снимала на улице и в гостях, красивые завтраки и обеды, кривляния, фотки с бывшими, совместные фотки с Лерой, скриншоты переписок и даже пара интимных видео. Это же как... как вырвать блок памяти из воспоминаний — ведь если нет фото, значит, этого не было. Не было самых счастливых моментов её жизни. Не было самых ужасных моментов её жизни. Не было ничего — последних трёх с половиной лет. Не было Москвы. А этого Аня боялась больше всего.

Девушка встала со стула и вошла в комнату. На задней стороне бёдер осталась отсиженная красная полоска. Короткие джинсовые шорты неприятно врезались в промежность — давно пора было выкинуть эти дурацкие, немодные шорты с первого курса. Аня расстегнула металлическую пуговицу и с небольшим усилием потянула их вниз, оставив на полу. Из шкафа на неё вывалился лыжный комбинезон неонового салатного цвета, истёртый сланец и майка с желтоватыми разводами подмышками. Среди этой грязной, дурно пахнущей мешанины барахла Аня искала джинсы ну, или, на крайняк, спортивки.

— Анюта, солнышко лесное, ну, ты тока хорошееешь! — послышалось из дверного проёма. — Вот это жопа, ей-богу, крымский пэрсик! — на кавказский лад заключил Игорь.

— Выйди отсюда, придурочный. Я сказала: выйди отсюда! Ты не понимаешь?! Идиот, блин!

— Зайка, ну, ты потише, понял я. Хотя чё я там не видел...

Игорь замешкался при входе и уже вроде бы почти совсем переступил за порог. Но всё же осёкся и вернулся на кухню. После того как Аня напялила джинсы с рваными коленками, она начала шарить по антресолям в поисках цветастой корбочки с проводами, старыми симками, картами памяти и древним сенсорным телефоном, которым пользовалась в Алушке. В старшей школе она при любом удобном случае клала телефон на стол, ну, чтобы понимали, с кем имеют дело, а теперь разочарованно сжимала его пластмассовый корпус и глубоко дышала через левую ноздрю. Её инста-подружка как-то рассказала, что в йоге есть такой приём: для успокоения надо зажать правую ноздрю и дышать левой, для обогащения энергией и силами — наоборот. Аня глубоко уважала древние практики. А иногда даже использовала в разговоре слова “Кундалини”, “Махабхарата”, “Эндоси Куо”, хотя последнее, кажется, выдумала сама.

На идеально заправленном плече жабой восседала чёрная сумка “Abibas”. Аня скинула её на пол и улеглась на кровать. Она нетерпеливо ждала, когда телефон очухается от продолжительного сна. Минут через пятнадцать его экранчик лениво загорелся, появилась приветственная заставка и фраза “Добро пожаловать ПРИНЦЕССА ==**))”. Аню жутко бесила тупая, тягучая медлительность дурацкого мобильного, его нелепые изгибы, потёртые наклейки с цветочками и блёстками на обратной стороне, некогда пушистый брелок с лисичкой. Бедное животное первым попало под раздачу и безжалостно полетело в помойное ведро.

— Алло, мамуль, привет! Я тут симку старую нашла. Ну, на этот номер звони теперь. У меня всё хорошо, у вас как? Хорошо... Ого, Саша в море ушёл опять. Прикольно. Пьёт? Ну, такая натура у моряков. Да ничего нового особо. Так, с Леркой поругались тут, короче. Да по фигне, не парься. Сижу в общаге, с девочками чай пьём. Пары закончились. Хорошо, передам. Погода норм, тепло. Ну, ладно, мамуль, давай... Поки. Люблю.

Входная дверь хлопнула. Игорь куда-то ушёл. Аня надеялась, что навсегда, но через полчаса он вновь появился на пороге её квартиры. В его руках под тяжестью бутылок надрывался пакет из “Дикси”.

— Анька, ну, так за встречу надо! Забирай пакет из этого, как его, ну, короче, магазина, быстрее, тяжело.

В полупустом холодильнике теперь стояла целая батарея крымского вина и жигулёвского пива. Игорь отчаянно пытался завести разговор и иногда легонько касался коленки Ани. Девушка шлепала его по рукам и глушила вино бокал за бокалом, отходила пописать, смотрелась в зеркальце. Игорь в инста-пространство не вписывался ровным счётом никак — его опалённое крымским солнцем лицо было некрасиво и непропорционально. Над бровью отчётливо просматривался шрам — придурок подрался с местной гопотой под Ялтой, зашивали. Крупный нос с многочисленными переломами, буквально собранный по частям, нитка губ и пожелтевший редкий ряд зубов. Словом, в школьные годы у Ани был весьма неприятный вкус на парней.

Спустя пару часов вот таких посиделок Аня расслабилась и, кажется, немного отпустила ситуацию с Лерой. В её голове попеременно крутились

мысли о том, что она “сама вывезет”, “давно хотела распрощаться с этой шмарой”, а Игорь только оказал ей услугу, что наконец-то поставил точку их дружбе. Пылкие, пьяные речи даже дошли до того, что “в её жизни настанет новая жизнь, и вообще не нужны вот такие вот подружки-кидалы”. Однако после этого по щекам Ани покатылся град крупных, увесистых слёз, полных сожаления и глубочайшей жалости к себе. Аня ужасно любила Леру, Аня ужасно дорожила Лерой, Аня берегла Леру, берегла от своего дурацкого неинтересного прошлого, своей дебильной истории, полной идиотских обстоятельств и людей.

И вот она, Аня Цвилёва. Самая красивая девчонка Алупки. С размазанными по щекам стрелками, полосами от слёз, испачканной майкой, старыми джинсами с рваными коленями, неидеальным маникюром и пучком засалившихся под вечер волос, ссутулившись, выкладывает сторис в третьем часу ночи: “Бусики, не теряйте!!! У меня всё оки-и-и-и, просто небольшие проблемки... Люблю-ю-ю спок!” — и захлёбывается слезами, задыхается, переходит на рёв, подобно раненому зверёнышу. Игорь сидит рядом и цедит пиво, играет в “Змейку”, и временами матерится на пиксельную обжору.

Аня выдула две бутылки вина и, опираясь на неустойчивые стены, поползла в комнату. Ноги запутывались, не слушались, игнорировали её, бесполезно влачили и предательски подминались, всё вокруг насмеялось в издевательском безобразии. Замыленное, обессиленное тело рухнуло на кровать, рёв приглушался стильными подушками, выложенными в определённом инстаграмном порядке. Игорь растёр ладони, хлебнул пива и направился в комнату. Одним движением снял сразу и рубашку, и майку, скинул штаны и улёгся рядом. Он медленно гладил Аню по спине и растрепавшемуся пучку, пытался заглянуть в её несчастное, зарёванное лицо.

— Анечка, Анюточка, зайнышка, солнышко... Да хорош тебе вот эти нюньки твои распускать, ну... Подумаешь, тёлка какая-то. Ты ж у меня самая красивая, ну, Анют... Ну, повернись, будь солнышком...

В ответ раздавалось только сопение вперемешку со всхлипами. Игорь не отступал, перевернул ватное потное тело на спину и продолжал неловкие, прерывистые поглаживания. Его загорелая рука скользила по отёкшим щекам, спускалась на шею, слегка выпирающий животик, вновь поднималась к плечам и груди, а потом беспардонно скользнула к пуговице джинсов. Аню как током прошибло — она резко поднялась и закричала: “Ты чё делаешь?!” В сторону Игоря посыпались угрозы и проклятья, настолько нецензурные выражения и отдельные словечки, что даже Игорь опешил и отступил. Исчез куда-то, Аня рухнула, и тяжёлый, беспробудный сон поглотил её до самого утра.

Глава 4. На мечту

Аня с трудом разлепила отёкшие от слёз глаза. Голову от подушки оторвать не могла — виски пронизывала адская боль, будто её голову зажали в тиски и издевательски закручивали винтик всё сильнее и сильнее. Балконная дверь была распахнута настежь, осенние порывы ветра заигрывали с занавесками из органзы. Аня оглянулась на соседнюю подушку — Игоря не было. Этот факт её обрадовал — не хватало ещё, чтобы он видел её в таком состоянии. Тело гудело и ломило, будто бы весь вечер Аня не хлестала вино, а участвовала в боях без правил в питерской подворотне. Она кое-как смогла подняться и не сразу обратила внимание, что её прекрасная, идеальная, красивейшая инста-спальня полностью разрушена — на полу беспомощно валяются широколистные монстры в комьях земли, оголив корни, барахло из шкафа вывернуто наизнанку, повалены все коробочки с косметикой, шкатулки, вазочки, сумки, всякая требуха из икеевских скубов, брендовые пакеты и даже помойное ведро. Рядом с ним лежала пушистая лисичка и как-то виновато улыбалась посреди упаковок от чипсов и ватных палочек.

— Только, блин, не это...

Аня ворвалась на кухню и жадно накинута на кран с водой. Сейчас не до красивых бокалов, графинов и идеальных фотокарточек. Она ненасытно лакала холодную проточную воду, будто бы застряла посреди пустыни и наткнулась на долгожданный оазис. На кухне Игорь тоже постарался — он перерыл всё до каждого сантиметра, рассыпал даже баночку с овсянкой и гречкой — ну, а это-то на кой?

Но самое главное он всё-таки нашёл. За вытяжкой Аня хранила конверт с трогательной надписью на лицевой стороне: “На мечту”, выведенной почти диснеевским шрифтом. О его существовании не знал никто, это была её самая большая жизненная тайна, секрет, который она никому-никому не доверяла, даже Лере. Вот уже три года Аня складывала туда деньги, копеечка к копейке, сотка к сотке, чтобы исполнить свою заветную мечту. Ещё три года назад, будучи первокурсницей, она дала себе строгое обещание, что ни при каких обстоятельствах не будет трогать этот конверт, не будет даже при последней нужде тянуть к нему ручки, будет хранить строгое молчание. Аня знала, что у неё могут отобрать всё, но мечту никто не отнимет. Игорь посягнул на святое. Игорь украл у неё мечту.

Раз в неделю Аня стабильно зашторивала окна и доставала пухлый мятый конверт, чтобы пересчитать или доложить деньги. Она всегда точно знала, сколько в нём лежит. В последний раз в четверг она насчитала сто девяносто восемь тысяч триста шестнадцать рублей и думала о том, когда же сможет отпраздновать двухсотый юбилей.

Игорь скрылся. Забрал уродскую сумку и три бутылки “Жигулёвского”. Его номера у Ани, конечно, не оказалось.

Этот гад учился с Аней в школе, на два класса старше. Он никогда не отличался интеллектуальными способностями или эрудицией — для него не было страшнее муки, чем сидеть на уроках в тишине и подчиняться толсто-боккой тётке в очках. Поэтому каждый раз, когда он чувствовал скуку, начинал срывать уроки, доводить учителей и задира́ть одноклассников. Игорь держал в страхе всю школу, был безусловным авторитетом. Он выглядел гораздо старше других мальчишек, поэтому беспрепятственно покупал сигареты в ларьке и продавал поштучно втридорога менее успешным товарищам. Быть в его компании — значит быть крутым. Родители пили, поэтому не слишком интересовались его делами в школе. Игорь часто ходил вместо уроков на море, этаким одинокий волк, крутил сальто с пирса и надолго задерживал дыхание, ныряя глубоко-глубоко и рассматривая металлолом на склизком дне. Игорь обрывал соседские виноградники и с большим упоением пожирал грозди нагретого, почти горячего винограда, воровал персики и алычу. Он постоянно дрался, дошивал содержимое бутылок, которые находил на улицах, лазил по заброшкам и гонял дворовых собак. Из школы его несколько раз пытались выгнать, но каждый раз безуспешно — мать Игоря приползла и плакалась о том, что не вынесет удара, что в семье тяжёлая ситуация, больная бабушка, за которой нужно присматривать, и всё такое. Директриса сжаливалась, проводила профилактические беседы, но Игорь, разумеется, пропускал их мимо ушей.

Он не мог не заметить такой яркой звёздочки, как Аня, воровал для неё игрушки в магазинах, таскал самые спелые персики, однажды даже стащил у матери золотые серёжки с маленькими драгоценными камушками, доставшиеся ей от её бабушки. Воровство быстро раскрылось, Игоря лупили долго и нещадно. Зверски оттащали за ухо. Наверное, именно поэтому парень был немного лопух.

Спустя годы Аня обратила на него внимание, когда Игорь подъехал на стареньком “Опеле” к школе и свистнул ей уверенно и нагло. Полтора года в армии пошли ему на пользу. Его плечи стали широкими, немного сутулыми и очень мужественными. Аня была просто без ума, да и какие теперь сплетни ходили у неё за спиной! Ого, она встречается с парнем, который старше неё! Ого, он уже отслужил в армии и сдал на права, а теперь катается на тачке! Ого, он уже работает! И всё прочее, прочее; такой союз лишь раззадоривал интерес к её звёздной персоне, а также конкуренцию среди других парней. Отбить у Игоря девушку — значит покорить стихию.

То есть очень, очень круто. Аня же в свою очередь с большой самоотверженностью хранила ему верность — с парнями почти не гуляла, не переписывалась и всякий раз грозно цокала, когда кто-то из них пытался её обнять.

Через несколько месяцев прежняя влюблённость улетучилась. Игорь начал выпивать. Поначалу Ане это даже нравилось — взрослый парень, который может позволить себе выпить и не ныкаться от предков, не может не произвести большого впечатления. Но потом, как только гулянки заполнили всё его свободное время, Аня сильно расстраивалась и тушевалась. Бросать Игоря она не хотела, так как осталась бы без бесплатного такси и прежнего положения, оставаться — тоже не вариант, так как он не уделяет ей должного внимания. Она никак не хотела быть девчонкой, которой добились и забыли. О таких говорят: “К ним потеряли интерес”. Так вот, Аня никак не хотела, чтобы к ней потеряли интерес, к такой великолепной и прекрасной, обаятельной и сексапильной Ане. Она закатывала Игорю истерики, вызывала ревность, выкладывала фотки с другими парнями с моря, разыгрывала великие скандалы, только бы утвердить свою важность в его глазах. А он продолжал драться, “тереть с пациками”, пить пиво и гулять. Это были сложные подростковые отношения, больше похожие на шахматную партию, но ни один из игроков не знал правил.

Аня слонялась по квартире и не понимала, куда себя деть. Игорь украл у неё бабки, украшения из резной шкатулки, дорожные беспроводные наушники, зарядку для айфона и даже, мать его, моцареллу из холодильника. Она стояла там больше трёх недель, а Аня никак не могла найти времени для готовки капрезе. Этот идиот обчистил Аню до последней нитки — украл какие-то брендованные вещи из шкафа и даже выронил один кроссовок “Nike” на лестничной клетке. Жуткое похмелье не отпускало, Аня до безумия хотела окончательно протрезветь и наконец убрать всё то, что суженый-ряженый наворотил в квартире, которая за последние сутки стала съёмочной площадкой триллера. Она беспомощно ползала из комнаты на кухню и обратно в попытках сделать хоть что-нибудь, но в результате только беспомощно выла.

Зажужжал телефон. К счастью, он завалился за тумбочку и остался в квартире. Оказалось, Аня проспала до трёх часов дня. Кто-то из подписчиков ей написал, что ужасно переживает за неё, особенно после такой-то сторис в ночи. Она не выходила на связь со своими подписчиками вот уже четырнадцать часов, что по меркам Инстаграма уже является поводом для серьёзных волнений. За это время её директ разрывался от сообщений. Аня лишь замученно швырнула телефон на тумбочку и пошла прибираться в квартире.

Она не понимала лишь одного: “За что?” Почему ещё несколько дней назад у неё было всё — мечта, лучшая подруга, целая ванна, айфон, вера в светлое будущее, чёрт возьми, да, она верила, что всё будет хорошо, что уже всё хорошо. А потом в один день Аня лишилась этого. Всего, чем дорожила, всего, во что верила. Это ж надо так прогневить кого-то, чтобы за один день поставить её на колени и заставить пресмыкаться перед жизненными обстоятельствами. Оставить её одну в разрушенной квартире, без нормального телефона и подруги, без воспоминаний, без всего.

До Ани постепенно доходило осознание того, что произошло. А это, надо сказать, страшная вещь — осознать, что ты никому вовсе не нужен в чёртовом мегаполисе, что ты на самом деле катастрофически одинок, что ты заложник обстоятельств и совершенно бессилён перед ними. Идеальная картинка в Инстаграм, идеальная жизнь. Красивая квартира, очаровательная девушка, эстетичные, изысканные завтраки, дорогие рестораны и такси премиум-класса. Вот эту Аню Цвилёву так лелеяли подписчики, вот этой девушке лайкали посты и строчили признания в любви. Вот за этой девушкой интересно наблюдать. Вот на эту девушку хотят быть похожими. Они верят в иллюзию беззаботной, красивой жизни, они облизываются слюнями и, возможно, мечтают хотя бы на минутку стать Аней Цвилёвой. Неотразимой блондинкой с огромными голубыми глазами и накаченной попой, с длинными стройными ножками, которая излучает позитив, которая излучает успех.

Но Аня Цвилёва закончилась. За ночь выпала годовая норма осадков из слёзных желёз. Она больше не могла плакать, нутро сжигало от обиды, боли, безысходности, она не понимала, что ей делать. Хотелось думать, что всё это настолько дурной сон, что такого на самом деле быть не может, хотелось внезапно проснуться и понять, что всё это не по-настоящему. Но реальность оказалась сурова. Аня тихонько легла на пол, свернулась в крошечный, беззащитный клубок и уснула.

Несколько дней Аня ходила по квартире бесшумно, как привидение. Она не могла отделаться от чувства, что в один миг квартира стала ей чужой. Её идеальное пространство осквернили, позволили нарушить идеальный порядок, который она с такой чуткостью берегла. Она обожала это место, эту грязную кухню, этот шкаф, эту кровать с подушками, эти вазочки. Но после того, как прошлое столкнулось с настоящим, оно будто бы осквернило всё то, что она так тщательно строила долгие месяцы. Ане были противны мысли о том, что Игорь посмел вторгнуться в её пространство. Ей было противно оттого, что он вновь посмел отобрать у неё самое драгоценное. Причём с такой жестокостью и безжалостностью.

Глава 5. Аминь, что ли

Одним прохладным вечером она сидела на кухне и бессмысленно пялилась в потолок. В последнее время она часто этим занималась. Почему-то Аня думала о маме. Вспоминала её выцветший платок, морщинки вокруг глаз, вечно усталый взгляд. Мама редко улыбалась, а ей так хотелось, чтобы она хоть капельку была похожа на тех мам, которых без стыда выкладывают в Инсту. Таких свежих, весёлых, отдохнувших. Только что вернувшихся из салона красоты, или воодушевлённо готовящих обед, или примеряющих новые платья. В общем, таких, которых комментируют эмодзи с сердечками. Аня вспоминала их прощание. И наставление, что-то там про надежду на то, что Господь услышит.

Девушка сама не заметила, как опустилась на колени и задрала голову в потолок. Она никогда не молилась, только видела в американских фильмах, как дети сидят на коленях у подножия кровати и скрещивают руки. По сюжету им помогало. Вот и она, обращая широко распахнутые голубые глаза в потолочную побелку, тихонько заговорила:

— Я не знаю, кто ты. Я не знаю, есть ли смысл, блин, в этом всё. Но, наверное, мама не стала бы советовать хрень. Я, короче, не знаю. Мне очень плохо, мне очень-очень плохо, я не знаю, куда мне идти, как понять, как этот мир работает. Я всю жизнь думала, что всё понимаю. Так оно и было до того дебильного дня. А потом — буф! — и всё рухнуло. Всё закончилось. И я поняла, что ничегошеньки не понимаю. Поняла, что всё может решить один дебильный звонок в дверь. Я понятия не имею, слышишь ли ты меня, но очень надеюсь, что слышишь. Мне хреново, слышишь?! Я запуталась, потерялась, не понимаю, кто я, блин, такая. Вот тупо имя знаю — Аня Цвилёва, всё. А что там эта Аня Цвилёва, что она из себя представляет, что ей нравится — да я понятия не имею. Какая-то идиотская ситуация, не находишь? Так вот, блин, помоги мне по-братски, пожалуйста. Я не вывожу. Совсем пипец. Я вся такая сильная вроде бы, такая умница, блин. А толку-то. Короче, я очень надеюсь, что ты меня слышишь. И поможешь, раз мама о тебе так часто говорит. Аминь, что ли...

Вопреки киношным ожиданиям Аня ничего не почувствовала. Ни облегчения, ни постижения таинства, ничего. Она только горько расхохоталась от того, что только что делала. Это ж надо так! Лера бы никогда не поверила, что под вот этим потолком Аня сидела на коленях и молилась, блин, по-настоящему молилась! Это ж в каком она отчаянии, что брякнулась на колени и начала разговаривать сама с собой. Нет, это какое-то безумие. Так нельзя.

Аня зашла в Инстаграм и начала свою медитацию. Листала бесконечные профили с сумками и обувью, лазала по профилям крупных блогеров. Девушка всматривалась в их идеальные лица, яркие цвета фотографий,

жизнеутверждающие и экспертные посты и всё думала, что ровно так же кто-то сидел и рассматривал её страничку. Так же восхищался, так же нетерпеливо просматривал сторис. А теперь она даже не могла нормально сфотографироваться — старенький телефон с трудом загружал браузер. Что говорить о приложениях для обработки, красивых макетах и хорошем качестве снимков. Аня раздумывала, как бы вернуться хотя бы в текстовые сторис, с чего начать. Ведь категорически нельзя рассказать то, что она пережила, — это пошатнёт её идеальный образ. Отматчиваться дальше — тоже не вариант, ведь она не хотела окончательно разорвать ценную связь между ею и подписчиками. В интернете очень просто про что-то или кого-то забыть. Так что же делать?

Аня полезла в цитатник. Ведь наверняка кто-то из умных людей уже облёк её мысли в красивую, ёмкую форму.

anutka.sctuchka Одна гримаса судьбы может испортить тонны французской косметики. Коко Шанель.

Аня наконец что-то почувствовала. Что-то наподобие удовлетворения. Вернуться в Инстаграм — это как вернуться в родной дом после длительной поездки. Как съесть бургер в “Макдональдсе” после строжайшей диеты. Как вылечить затылочный насморк и вновь свободно дышать. Именно это испытала она, когда нажала на кнопку “Опубликовать”. Телефон начал вибрировать — на сторис отвечали, что-то спрашивали, комментировали, но Аня с ухмылкой заблокировала его и с чувством победительницы пошла в туалет.

Иногда Ане удавалось договориться с арендодателем, чтобы она жила какое-то время бесплатно. Точнее, хозяин квартиры брал иную плату втайне от жены. Но не подумайте про Аню плохо, ни в коем случае. Антон, хозяин, был весьма симпатичным, высоким мужчиной, она и за так не отказалась бы вступить с ним в интимную связь. Это происходило не часто, но всё-таки происходило. В этом месяце Аня надеялась, что он заедет за деньгами, а она запрыгнет сверху и сделает всё, чтобы про оплату он тактично забыл. Других вариантов не оставалось — девушка сидела без денег вот уже сколько времени и совершенно не имела представления, где их найти. Даже на “Авито” нечего выставить, кроме грязных чашек.

Этот хитроумный план Аня выстроила в своей голове, когда долго и вдумчиво сидела на унитазах. Параллельно она листала сторис, рассматривала эстетичные картинки и по-научному вчитывалась в посты о готовке ПП-рецептов. “Вот эти панкейки по-любому надо сделать, ваще огонь”. Из виртуальной поваренной книги она перешла на блог об интуитивном питании, а из него — на блогершу-миллионницу. Это ж надо так! Невероятное количество подписчиков. Ну, просто невероятное! На её аккаунт подписано полтора миллиона человек! Полтора! Даже сложно представить, сколько это людей. Вот попробуй выставить их на площади всех вместе — крупнейшая в мире несанкционированная акция в поддержку симпатичного инста-личика. Аня рассматривала её ленту, как величайшее произведение искусства. Плавные цветовые переходы от поста к посту, красивейшая картинка, выстроенные визуальные параллели, тематические фотосессии, путешествия — феноменальная проработка, блин! Над такой лентой трудится десяток профессионалов — это видно. Потом Аня нетерпеливо жмакнула на кружок с фотографией профиля в разноцветном ободке. Сколько сторис! Три десятка, не меньше! И это за одни сутки! За последние полторы-две недели Аня смогла выдать из себя только одну дурацкую цитатку, а тут за одни только сутки!

Та-а-ак, репосты, реклама, завтрак, шниц, реклама, болтовня.

Девушка в чёрной стёганой кепке-фуражке и узеньких солнцезащитных очках что-то вещала. Под мышкой торчал маленький шниц и беззаботно, весело смотрел по сторонам. Аня включила звук:

— Так, ребят, сейчас по существу. Завтра мы с командой вылетаем на съёмки масштабного видеопроекта для очень серьёзных заказчиков. Мы готовились к этой поездке полтора месяца, а в последний момент моя ассистентка свалилась с температурой сорок, и, короче, поехать не сможет.

В связи с тем вопрос: кто завтра сможет вылететь с нами в Сочи, а оттуда в Абхазию, её подменить? Бабла накинём, конечно. Желаящие в дире... — пятнадцатисекундная сторис оборвалась.

Прежде Аня никогда не испытывала такой внутренней решимости. Она ни секунды не колебалась, перешла на предыдущую сторис и клацнула на полупрозрачную кнопку “Отправить сообщение...” Но потом ворох мыслей снова закружил её многострадальную голову. Шанс — один на полтора миллиона. Что выделяет её из сотен желающих поработать с самой Лейлой Гаджиевой? Почему инста-звезда должна выбрать именно её? Но потом Аня огляделась по сторонам, глянула на разбухшую от влаги деревянную дверь и написала: “Привет. Ок, я смогу”, — и отбросила телефон, будто в секунду он раскалился до температуры солнечного ядра.

Начала убираться. Хотелось как-то оправдать волнение активными действиями. Перемыла всю посуду, постоянно оглядываясь на вибрирующий телефон. Не то. Снова не то. Да не буду я спасать вашего ребёнка! Аня схватилась за швабру и начала вычищать самые пыльные уголки квартиры.

antonstoskov, valentin378 и zarina.kazarina нравится ваша публикация.

Строительная Компания (okorpremium) подписался(ась) на вас.

Косметолог Минск (kosmetology.beauty.minsk) подписался(ась) на вас.

nogotkiipalchiki запустил(-а) прямой эфир. Посмотрите его, пока он не закончился!

volochkovaofficial прокомментировал(-а): “Подпишись на официальный фанклуб Анастасии Волочковой!! У нас интересно, в подарок — чек-лист по растяжке!!”

leyla.gadzhieva написал(-а): “Ок, скинь паспорт”.

leyla.gadzhieva написал(-а): “Только не туши, плиз”.

Аня чуть не поперхнулась позавчерашним маффином от неожиданности. Ей казалось, будто бы из-за угла сейчас вылетит мужик с оператором и закричит, хватая её за плечи: “Это был розыгрыш!” Но нет, действительно — Лейла Гаджиева, с голубой галочкой напротив никнейма, написала ей. Пригласила с ней поработать. Ей, Ане Цвилёвой, обычной девчонке из Алупки. Поработать в качестве ассистентки самой Гаджиевой.

Аня долго не могла уснуть. Кажется, в сон она провалилась, когда за окном начало светать. В ночи Лейла записала голосовое примерного содержания: съёмочная группа встречается в аэропорту в три часа, вылет в 17.15. Строго без опозданий. Аня не должна ничего планировать на ближайшие две недели. Она должна презентабельно выглядеть, но не слишком. Предстоит тяжёлая, сложная работа. Никаких бекстейджей. По оплате договорятся во время полёта. Без лишних вопросов.

Аня подскочила часов в восемь утра. Она слонялась по квартире в поисках “презентабельных, но не слишком” вещей, косметики, спрятанной по разным углам, белья и маленьких баночек для шампуней. Скинув ворох бахла в маленький чемоданчик, она направилась в ванную наводить маршфет. Вымыла голову, сделала восхитительный макияж, как в свои лучшие инста-времена, даже наклеила пару пучков накладных ресниц для выразительности взгляда. А вдруг кто-то из съёмочной группы ей приглянется?

Девушка выскочила из дома гораздо раньше, чем следовало. Она мчалась к метро, будто бы уже серьёзно опаздывала на рейс, будто бы кто-то сообщил ей печальное известие и срочно попросил приехать. “Всё взяла? Паспорт, ключи, телефон? А дверь закрыла? Блин, соседи эти ещё со своим ремонтом дурацким, что-нибудь придумаю...” Аня бежала так, словно бы именно сейчас решалась её судьба. Словно бы она снова ощущает полноту жизни, даже не полноту, а просто *жизнь*. Внутри себя. Басё описал бы это состояние японским хокку:

Тишина кругом.

Проникают в сердце скал

Голоса цикад.

Жаль, что Аня не знала, что такое хокку и кто такой Басё.

— А рассрочку оформляете?

— Ну, э... Да. Паспорт есть?

В “Связном” будущая личная ассистентка Лейлы Гаджиевой переминалась с ноги на ногу у витрины с новенькими айфонами. Она прекрасно осознавала, что с таким страшеньким телефоном появиться рядом с блогером такой величины она не могла чисто физически. Если уж они говорили о презентабельности и каком-то “лице”, нужно учитывать такие важные моменты, ведь айфон — это статус. Это заявка на то, что ты можешь позволить себе мобилку за восемьдесят с лишним тысяч. Это претензия на значимость, величину, респектабельность. Ане было крайне необходимо создать нужное впечатление или, по-простому, “правильно войти в хату”.

Сутулый молодой человек в жёлтой форменной рубашке безразлично клацал по клавишам компьютера. Его прямоугольные очки с тонкой оправой периодически сползали на нос, он раздражённо их поправлял. В кредитной анкете Аня несколько приукрасила информацию о себе — для банка она была крутым специалистом IT-компаний с хорошим стабильным заработком и оконченным высшим педагогическим образованием. В кармане мятого тренча Аня держала скрещенные пальцы и умоляла все божественные силы смилостивиться над ней. Через пару мгновений консультант положительно заключил: “Ага, одобрили. Смотрите, рассрочка на восемнадцать месяцев с ежемесячным платежом...” Ане не было абсолютно никакого дела до этих формальностей, она быстро нарисовала свою закорючку на всех листах бумажной кипы и схватила запечатанную коробку в руки.

— Спасибо, спасибо, спасибо, Алексей, да, правильно? Да, Алексей, спасибо вам огромное, счастья вам и всей вашей семье, спасибо, до свидания, всего доброго!

— Девушка, договор не забудьте.

— Ага, ага...

Аня скомкала бумажки, закинула их в сумку и, окрылённая, помчалась в аэропорт.

Глава 6. Вы поплакали и не испортили макияж

— Кофе! — приказным тоном произнесла Лейла. — Быстро. И не хлопай на меня своими накладными ресницами.

Аня ожидала, что в аэропорту встретится со съёмочной группой и начнёт свою новую жизнь с милой болтовни про лайки и путешествия. Она приехала за полчаса до назначенного времени и искала нужную кафешку — место сбора. Группа из пяти-шести человек сразу выделялась на фоне других пассажиров — их негабаритный багаж (камеры, свет) кучей был свален у плетёной ограды “Теремка”, а общий стол заставлен бумажными стаканчиками и завален какими-то документами. Все они выглядели как настоящие киношники — каждый у себя на уме, каждый сосредоточен на чём-то катастрофически важном. Они выпивали, попеременно выходили курить, проверяли сумки и паспорта. Посреди размеренной суеты на появление Ани никто не обратил внимание. Только когда она подошла к самой Лейле и вроде бы непринуждённо поздоровалась, кто-то заметил, что какая-то девчонка вьётся вокруг них и пытается подойти.

— Почему так поздно? — Лейла не оторвала глаз от экрана телефона. — Я спрашиваю: почему так поздно?!

— Но... но мы же договаривались на три, а сейчас... сейчас два сорок пять...

В ответ Лейла только протянула недовольное “пф-ф”. Аня находилась в жутком смятении, до этого она никогда не встречалась с известными людьми и решительно не понимала, как себя вести. Это при том условии, что она и себя считала весьма публичной личностью — за годы жизни в Москве при её инста-карьере с ней редко, да фотографировались на улицах. А сейчас ситуация сложилась, честно говоря, странная. Что вообще должен делать личный ассистент? А что он *может* делать? А чего нет? Как, впрочем, и всегда бывает — много вопросов и практически нет ответов.

Но какая же Лейла шикарная! Она была из тех людей, которые лаконично смотрятся в помещении в солнцезащитных очках. Идеальные, шелковистые чёрные волосы струились по костлявым плечам. Да, у неё были чертовски ухоженные, красивые волосы. Выточенные, острые черты лица, идеальная спортивная фигура. Всё своё тело — это видно — она держала в строгости и под жёстким контролем, и, вероятно, поила его только чёрным кофе без сахара и кормила едой без глютена с подсчитанной калорийностью. Длинные пальцы с не менее длинными ногтями обвивали телефон без чехла и не выпускали его ни на минуту. Аня долго-долго всматривалась в эти тончайшие руки, запястья, на одном из которых болталась тоненькая золотая цепочка.

— Сиги есть? — после продолжительного молчания произнесла Лейла.

Аня достала из кармана потрёпанную пачку и неловко протянула девушке. В ответ Лейла подняла голову и одну бровь.

— И ты это куришь? Убери это от меня! Пипе-е-ец.

Разговор не задался с первой минуты. Аня тысячу раз прокручивала в голове их встречу, но совсем никак не могла предположить, что в итоге будет едва сдерживать слёзы около столика “Теремка”. Она отпросилась покурить, пристроив чехоманчик к груди остальных вещей, и рванула ко входу в аэропорт. Погода в тот день была не многим лучше, чем в её первый день в Москве. Небо заполонили густые тучи, а Аня снова чувствовала себя ненужным дитём. Она несколько раз чиркнула зажигалкой, закурила сигарету и тупо смотрела под ноги. Больше всего не хотелось проломиться под весом собственной никчёмности, как тогда.

Но эмоции взяли верх. Глаза бесконтрольно наливались слезами. В таких случаях Аня пользовалась уникальным лайфхаком собственного изобретения. Чтобы поплакать и не испортить макияж, нужно наклониться вперёд и дать слезам выкатиться на весу. Таким образом можно обойтись минимальными потерями и при необходимости промокнуть уголки глаз сухой салфеткой, чтобы замести следы. Вуа-ля! Поздравляю, вы поплакали и не испортили макияж. Аня стояла у входа в аэропорт согнувшись и роняла слёзы на и без того мокрый асфальт.

— Ты чё делаешь? — послышался недоумевающий голос Лейлы.

Глава 7. Добро пожаловать в Абхазию

Полёт от Москвы до Сочи занял два с половиной часа. Аня второй раз в жизни поднялась на борт и только осознала, насколько беспомощны и уязвимы люди в самолёте — под их ногами десять тысяч метров, в их распоряжении — лишь замкнутое пространство, капсульный туалет и еда в порционных корбочках. Девушка чувствовала себя максимально неуверенно и встревоженно: а что, если они разобьются? Сможет ли она отправить на прощание маме СМСку и попрощаться с подписчиками? А выживет ли она? Тысяча и одна мысль занимала её в перерывах между просьбами и вопросами Лейлы, которая сидела в бизнес-классе. Ане приходилось ходить туда-сюда на пошатывающихся ногах — её не оставляла мысль о том, что она может провалиться в какой-нибудь люк и выпасть из самолёта.

— Аня, да? Короче, смотри, это твой договор. Подпиши тут, тут и вот тут. Снимаем для Дубая. Намути вина.

Аня ждала продолжения фразы, но в ответ получила только уже поднадоевшее “быстро”. Девушка смиренно подошла к стюардессе и передала просьбу. Несчастливая бортпроводница несколько раз подносила бокалы с разным содержимым, но каждый раз не угождала требованиям Лейлы. Остальных членов съёмочной группы посадили рядом, так что они шумно что-то обсуждали, обменивались дурацкими шуточками и глазели на стюардесс.

Лейла приказала Ане её пофотографировать. На большом бежевом кожаном кресле она смотрелась эффектно — в духе её Инстаграма про красивую жизнь. Она искусственно смеялась в камеру, определённым образом вытягивая ножки, чтобы те выглядели в кадре длинными, размахивала бокалом

вина, поворачивалась в профиль и многозначительно устремляла взгляд в голубой кружок иллюминатора. На всех фотографиях её ровные белоснежные зубы светились, подобно снежным горным вершинам. Аня, к слову, планировала поставить такие же виниры, чтобы и её улыбкой восхищались.

— Всё, уходи. Мне нужно поспать.

Аня вернулась на своё место. Она летела по соседству со старушкой, которая весь полёт мирно сопела с кроткой улыбкой на лице. От неё пахло старостью, таблетками и пыльными антресолями — запахами, которые ни с чем не спутаешь. Время от времени бабулька случайно склоняла голову на её плечо. Девушка брезгливо отстранялась и всё думала, что никогда не будет дряхлой и такой же беспомощной. К старости она относилась с большим презрением и считала, что это тупая несправедливость: почему все не могут быть такими же красивыми и молодыми, как Лейла?

Аня писала пост, впервые за долгое время. Новенький айфон отлично смотрелся в её руках.

anutka.sctuchka ОНА ВЕРНУЛАСЬ...

Знаете, в последнее время я была эмоционально вымотана и разбита. Моя жизнь всё-таки разрушилась.

Сделайте одолжение, не спрашивайте, где я была.

Давайте просто порадуемся, что я смогла вернуться.

Я хочу сказать вам, моим подписчикам, что вы сильные, на то вы и мои подписчики...

Какая бы сложная история с вами ни приключилась, вы справитесь с ней любой ценой. Я справилась.

Я нашла силы выбраться из ямы и показать этому миру, что я чего-то стою. А стою я многого...

Я прекрасная сильная девушка, а значит, я королева своей жизни...

Любите себя, мои прекрасные! А я люблю вас...

Аня щёлкнула крыло самолёта в иллюминаторе и провалилась в короткий, но сладчайший сон.

— Э, алло. Какого хрена ты дрыхнешь? Мне за тобой таскаться нужно?!

Аня никак не могла понять, что происходит. Она разлепила глаза и подняла их на нависающую над ней Лейлу. Та в ответ сжала пельмешки губ и резко направилась к бизнес-классу. Аня молниеносно вскочила и побежала за ней.

— Прости, правда, я не хотела, я не спала полночи, прости...

— Пф-ф... Муня подыхает от жажды. Ему срочно нужна вода! Какого хрена у собаки нет воды?!

Из-под кресла выглядывала весёлая мордашка рыжего шпица. Он часто и коротко дышал, высунув нежно-розовый язык. Аня засуетилась, попросила бумажный стаканчик и отрезала от него половину, чтобы Муня мог с комфортом утолить жажду. Несмотря на его очаровательное выражение мордочки, Аня ему не понравилась, да настолько, что он даже больно куснул её иголочками зубов.

Самолёт, наконец, пошёл на снижение. Аня с неподдельным интересом заглядывала в иллюминатор, перегибаясь через сонную старушку. До этого она никогда не видела огней ночного города с высоты птичьего полёта. Море! Они кружили над морем! Девушка почувствовала нечто тёплое внутри, трепет встречи, что ли, тоски по крымским вечерам.

В сочинском аэропорту путь до Гагры только начинался.

Они мучительно долго вызывали такси до границы с Абхазией. Несмотря на гигантские бюджеты, выделенные на проект, Лейла категорически не хотела переплачивать за дорогу. Она громко выясняла отношения с таксистами, роем вьющимися у входа в аэропорт, торговалась с ними, пинала чемоданы и вечно кому-то звонила. Аня лишь робко держала переноску с Муней и в тайне восхищалась её силой и властностью характера.

Парни из съёмочной группы сидели на бордюре и курили.

— С какой целью едете в Абхазию? — строго спросила тучная женщина в окошке на границе. — Девушка!

— Э-э-э... по работе... — как-то вопросительно ответила Аня.

— Девушка-а-а, вы там померли, что ли? Я спрашиваю: цель! Вашего! Визита! Какая именно работа? Есть разрешение? Чё за народ пошёл...

Аня чувствовала себя провинившейся школьницей. Если бы она сама знала, какая именно работа ей предстоит! И что она вообще делает в одиннадцатом часу вечера на границе с Абхазией с какими-то левыми людьми! Она понятия не имела, кто, куда, зачем, почему. По ту сторону окошка коротко стриженная тётка уже была готова сожрать потерянную девчонку, но тут вступилась почти разъярённая Лейла. Она, как и все остальные члены команды, перешли через границу минут двадцать назад, и томительно ожидали очереди Ани.

— Тётъ, это моя личная ассистентка, первый день на работе, сорян. — Лейла выхватила у Ани паспорт и что-то в него заложила. — Вот, гражданка РФ, Цвилёва. Съёмки.

Аня лишь краем глаза заметила оранжевую бумажку, увильнувшую под стол. Женщина слегка улыбнулась и заключила: “Добро пожаловать в Абхазию!”

— Да твою-то мать, ты чё так тупишь-то страшно! Вычту из твоего гонорара, поняла?! Пипец тормоз. Муня сейчас обоссёт переноску, выведи его!

Они пересекли границу России с Абхазией и действительно оказались в другой стране: черным-черно, абхазы сновали из угла в угол и кричали: “Такси, такси!” — у кафешки затевалась какая-то потасовка, кругом пальмы, мусор и пьяный, обдолбанный народ. У Лейлы аж глаза загорелись — пробудился оголодавший журналистский интерес. Она окончила журфак МГУ лет шесть назад, и, вероятно, страсть как любила подобные места. Ребята из съёмочной группы, успешно адресированные на команды, вмиг расчехлили камеры и прочую аппаратуру для ночной уличной съёмки. Ане всунули в руку тяжёлую палку со светом и направили его точно на блестящее лицо Лейлы.

— Звук есть? Ок. Именно это место — отправная точка нашего путешествия. Саш, возьми крупный план того чувака. — Девушка указала на мужика в рубашке с вывалившимся пузом, сидящего на бордюре и блюющего под себя. — Аня, чёрт, свет! Да на него свети, дубина, на него!

Аня проклинала тот момент, когда написала сообщение “Привет. Ок, я смогу”. Если бы тогда она хотя бы на долю секунды понимала, о чём идёт речь, то ни в жизнь не согласилась бы... Руки уже ломило от тяжёлой палки, а впереди ещё две недели...

Лейла продолжала:

— Теперь на меня свет, придурочная! Ты можешь не трястись, как осинный лист?! Пф-ф, нам будет ка-тас-тро-фи-чес-ки тяжело! — отчеканила Лейла и вмиг переменялась в лице. — Именно здесь начинается Абхазия. 29 мая 1992 года государство стало независимым после войны с Грузией. Но к чему привела эта независимость?.. Попробуем разобраться. Саш, было по картинке? — Молодой человек в кепке одобрительно поднял большой палец. — Да не слепи ты меня! Вырубай! Идиотина! А-а-а-а! — разъярённо воскликнула Лейла. — Муня, мальчик, иди к маме!

Девушка выхватила у Ани переноску с собакой и вызволила довольного шица. Взамен на это вынула через футболку микрофон и всучила ей в руки клубок проводов. Навязчивые таксисты тем временем облепили их со всех сторон и переговаривались между собой: “Москва, Москва приехала”. Лейла долго торговалась, ругалась, бесилась и извивалась, словно раненый дракон. Один из наиболее наглых водил протянул грязные руки к Муне со словами: “Какая милашка!” — так Лейла чуть было не ударила его в промежность. Словом, у неё был ужасно склочный характер, и Аня понимала, почему Гаджиева была одинока и так много писала в своём блоге о том, что никогда, никогда не позволит тратить драгоценное время на мужика слабее её. Причина её одиночества оказалась проста — мужчины сильнее её просто не существовало. А с тюремным зрителем она вряд ли бы сошлась.

Лейла, наконец, сторговалась с одним из таксистов на минивэне. В багажник едва поместились все их вещи и аппаратура, часть пришлось забрать в салон. Аня сидела у окна, вжавшись в сидение. Колени тяжело продавливались под весом какой-то острой штуковины в чехле. Сквозь тонированное окно она почти ничего не видела — так, темнота, очертания растительности и стройный ряд фонарных столбов. Ехали они молча, в сопровождении хриплой магнитолы. Аня слышала лишь обрывки нелепых попыток водилы заговорить с Лейлой. Та либо грубо отвечала, либо с кем-то созванивалась по телефону. Парни из съёмочной группы сидели в телефонах и попеременно показывали друг другу мемы; Саша, оператор, — теперь Аня знала, как его зовут, — притомился и звучно захрапел.

Аня не знала, сколько времени прошло, прежде чем водила остановил машину. Она вылезала самая последняя, Лейла всучила ей Муню и тут же закурила.

— Сампал, правильно? А что вы нам предлагаете делать, а? Нам срочно нужно заселиться! У нас съёмочный график! Нет, это вы меня послушайте...

Аня стояла посреди какой-то шумной улицы у непонятного двухэтажного здания. Над ней возвышались могучие, широкие эвкалипты, пальмовые ветви и бесконечные провода. Слышался отдалённый гул чьих-то посиделок, моторы машин, собачий лай. Единственная освещённая улица. Нутро сжималось в непонятных, неразборчивых чувствах: а что дальше? А как там мама? Вот что бы она сказала, узнав, что Аня здесь? Ведь она сама даже не знает, как называется это место, где оно находится, кто все эти люди. Она теряла чувство реальности, снова думала, что всё это не по-настоящему, дурацкий сон, выдумка, чья-то больная фантазия. Но вдруг что-то тёплое разлилось по её левому боку. Аня зажала правую ноздрю и глубоко задышала.

Спустя полтора часа они заселились в отель с большими панорамными окнами. Девушка на ресепшене с глубокими карими глазами и дежурной лучезарной улыбкой выдала комплекты ключей с металлическими жетончиками. Лейла потребовала, чтобы в её номер “люкс” принесли раскладушку — для Ани, а также самое пышное одеяло для Муни, раз уж у них нет лежанок для собак. Парни из съёмочной группы молча разбрелись по отдельным комнатам — раскладывать вещи.

— Муне воду. Быстро!

Аня молча вышла из комнаты и побрела на ресепшн — в половину первого ночи ей была крайне необходима миска для собак или что-то наподобие. Ирена, так звали администратора, вежливо улыбалась и непонятливо кивала.

— Но у нас такое не предусмотрено, если честно... Я даже и ведь не знаю, что в такой ситуации можно сделать... У нас так редко останавливаются с питомцами, вернее, совсем не останавливаются, это мы вас в качестве исключения...

Из дверей лифта показался силуэт Лейлы. Она уже переоделась в белоснежный отельный халат и обула пушистые тапочки, привезённые из Москвы. По выражению её лица читалось одно: администратору не поздоровится. Она очень долго возмущалась тем, что её драгоценный Муня сейчас подохнет из-за безалаберности Ирены, что одного звонка достаточно, чтобы их “лавочку прикрыли”, что она напишет об их отеле самый гневный из возможных отзыв. Досталось и Ане — теперь она оказалась не только “придурошной идиотинкой”, но и “слонтяйкой”. В результате, после очередной истерики Лейлы, Муня пил водичку из ресторанный суповой тарелки.

До этого Аня никогда не бывала в таких отелях. Да и в принципе в отелях, за исключением одноразовых романтических приключений. Её поражали белоснежные халаты, маленькие бутылочки с шампунями и гелями, идеальный серый ковролин, ужасно вежливый администратор, панорамные окна в пол, холодильник с бутылками воды и свежими нарезанными фруктами. Сейчас ей хотелось одного — помыться и рухнуть в объятия накрахмаленного постельного белья.

— Я с тобой ванную делить не намерена, если что. Иди к пацанам.

Аня понятия не имела, где находятся номера съёмочной группы. Она взяла из чемодана косметичку, какие-то принадлежности, захватила влажный тренч и спустилась к Ирине. Девушка на ресепшене при виде неё снова услужливо заулыбалась.

— Вы знаете, мы, к сожалению, не имеем права распространять информацию о наших постояльцах. Мне очень жаль. — Она сочувственно закивала головой словно собачка-маятник для машины.

— Девушка, я всё понимаю. Но мне очень, блин, очень нужен душ. Меня обоссала собака. Мне жопа. — Глаза предательски наливались слезами.

Взгляд Ирины забегал, руки суетливо что-то будто бы искали на столе. Она не переставала улыбаться. И в этом таилась её главная проблема. Ане хотелось зашить этот красивый рот самыми прочными нитками, чтобы он хотя бы на мгновение перестал издевательски оголять белоснежные зубы.

— Ну, получается, вы вместе приехали, так? То есть, он не знакомый для вас человек, правильно? Ну... Ну вот Александр, в кепке такой, да, с вами заезжал, да, он поселился в номере триста восемь, это на третьем этаже, от лифта направо, четвёртая дверь.

Аня обессиленно тащила ноги. Она совершенно ни о чём не думала. Не думала о подписчиках, о Лере, о маме, о дурацком Игоре, о ремонте ванной, об уютге, который могла забыть включённым, — ни о чём. Безразлично постучалась в триста восьмой номер. Оттуда послышалось неохотное: “Кто?” — а потом в дверях появился заспанный Саша. Он вопросительно посмотрел и даже отпустил пошлую шутку, мол, “тёлки сами к нему по ночам ходят”, но всё же разрешил воспользоваться его ванной. Он понятия не имел, как её звали, поэтому назвал первым попавшимся именем — Ксюша.

Горячие струи обвивали вымотанное тело и смывали этот день.

Глава 8. Пять минут на сборы

Муля разразился грозным лаем, когда Аня бесшумно вошла в номер. Она приставила ко рту палец и умоляюще зашипела. Аня впервые увидела на лице Лейлы такое спокойствие и умиротворение — острые черты лица при тусклом свете прикроватной лампы не выглядели так пугающе и сурово, как обычно. Её пушистые тапки косолапо стояли у подножия кровати рядом с Муней, лежащим на мягком пьедестале. Лейла уснула со включённым телефоном в руках, да так забавно; ей кто-то непрестанно писал, сыпались лайки и комментарии, какие-то уведомления. Аню зачаровала эта картина — она всё ещё не могла поверить, что инста-звезда такого уровня дрыхнет на огромной кровати в нескольких метрах от неё. В шёлковой розовой пижаме, с маленьким белым мишкой под боком. Девушка робко подкралась и нажала на кнопку блокировки телефона.

В этот момент глаза Лейлы распахнулись и мгновенно налились кровью.

— Ты какого хрена делаешь?! Ты... ты обождать меня решила? Телефон спереть, да? Так, под шумок. А чё... Ты вообще в себе, нет, придурочная? Я сейчас тебе нос сломаю, вот этим всё и закончится, идиотина, блин!

— Лейла, я лишь хотела...

— Спереть айфон ты хотела, да?!

— Лейла, у тебя там уведомления, блин, я хотела выключить телефон, чтобы тебе не мешало...

— В данный момент мне мешаешь только ты! А знаешь что, мне вообще по хрену, спи хоть на улице! Да, давай, вали из моего номера, шкура!

Аня невозмутимо вытащила раскладушку в коридор и улеглась. Даже в таких вот странных обстоятельствах хруст накрахмаленного постельного белья привёл в её маленький, тихий восторг, о котором она никому никогда не расскажет.

— Пять минут на сборы. Я сказала: “Пять минут на сборы!” — отчеканило нависающее над Аней красивое лицо.

Спросонья девушка даже не поняла, где находится. Предыдущий день был так богат на впечатления, что ощущение реальности вновь её покинуло.

Так, пьяный угар, пересказ остросюжетного фильма или дурацкий анекдот. С каждым взмахом наращенных ресниц до неё доходило. Она лежит посреди чёртова коридора дорогого отеля и смотрит взглядом младенца на Лейлу Гаджиеву, которая вот-вот брызнет слюной от злости и нерасторопности своей ассистентки. Грузный, безвыходный выдох вырвался из её груди. Аня безмолвно встала и направилась в номер, надела что-то несуразное вроде джинсов с цветочными нашивками и футболки с Микки Маусом и с нечищеными зубами выбежала на улицу. На обмякших плечах болтался влажный тренч.

Съёмочная группа тем временем важно обкуривала какие-то вопросы у входа в отель, Лейла клацала в телефоне и прижимала под мышкой довольного Муню. Аня, наконец, увидела, что это за место — при дневном свете оно выглядело не так странно, как вчера вечером. Оживлённая, залитая совсем не осенним солнцем, красочная улица, будто бы уже с фильтрами Инстаграма. На той стороне дороги — лавчонки с чурчелой и аляповатыми магнитами, домашним вином и чачей, кружками, полотенцами и прочей чепухой. Аня вспомнила про маму и впервые подумала о том, что хочет ей позвонить. Тонкие пряные нотки витали в нагретом воздухе, переплетались с машинными выхлопами и пылью. Аня с жадностью вдохнула этот день, на её лице возникла едва заметная улыбка и довольство, что ли, этим дурацким обстоятельством, — она никогда не чувствовала себя такой взрослой и самостоятельной.

— Аня, да твою-то мать, чё с тобой? Чё ты, как истукан, пялишься непонятно куда?! Мы тебя сколько должны ждать, а? Какого хрена ты творишь? Я вообще не понимаю, чё за приколы у тебя такие!

Аня встрепенулась и без слов вызволила Муню из-под хозяйской подмышки. Она никак не могла привыкнуть, что приехала в концлагерь строгого режима, и каждое своё действие — вплоть до взмаха ресниц — она должна контролировать, анализировать, просчитывать на несколько шагов вперёд. Кроме того, Аня должна прислуживать, жёстко так, безотлагательно, предугадывать и предвосхищать хозяйские желания, подобно жалкой собачонке. Казалось, даже у Муни больше прав, чем у неё.

Лейла непрестанно кому-то названивала и возбуждённо слонялась вокруг оборудования, наваленного грудой посреди улицы. Что-то снова шло не по плану — Аня не могла понять, что именно. Сейчас её главной задачей было убрать кучку какашек, заботливо сложенную Муней у подножия гигантского эвкалипта. Пакетика под рукой не оказалось, поэтому она направилась в первую попавшуюся аптеку рядом с отелем.

Лейла тем временем села на корточки и приставила ко лбу козырёк руки. Её идеальный пучок безобразно растрепался, на лице проступал жирный блеск волнения; на костлявом плече виднелся красный прыщик. Казалось, что вот эта миниатюрная бестия вот-вот испепелит целый город — её сгорбленное тело, сжатое пружиной, должно было выпрямиться и что-то изрыгнуть. Так и получилось.

— Твою мать, Сань, ты прикинь! — обратилась она к первому попавшемуся лицу, смотрящему на неё из съёмочной группы. — Трындец, блин. Ну всё, можно сворачиваться! Это провалище! Чёрт, чёрт, чёрт!

— А-а...

— Чё случилось? Да так, нашего любезного Лёшеньку загребли в клубе с весом на руках! Нормально это, нет?! Придурошный, блин, без мозгов! Голова есть вообще на плечах? Идио-о-от... Твою мать... Я из-за него буду выглядеть, как чёртов кусок говна! Как снимать-то вообще?!

Лейла задвинула тоненькую оправу солнечных очков вплотную к переносице. Она беспрестанно накручивала на палец выбившуюся из пучка прядь и клацала по экрану нагретого айфона с особым остервенением. Ане стало неловко за кумира, она встала и направилась в отель.

— Курица, быстро сюда!

Аня не сразу поняла, что ближайšie две недели такое обращение будет адресовано ей и никому другому.

— Значит, так! Слушай сюда...

Ей предстояло выступить в роли личного визажиста, да, вот так неожиданно и спонтанно, применить все навыки, полученные ещё в школе, ведь

она с двенадцати лет рисовала острые стрелки и брови — дотронешься и обязательно порежешься.

Аня четыре раза перекрашивала брови, семь раз точила тёмно-коричневый карандаш до остроты медицинского скальпеля, несчётное количество раз вымывала кисти от налипшего на них косметического безумия. Сколько времени прошло? Неизвестно. Но его было явно достаточно для того, чтобы бесповоротно выбиться из съёмочного графика и породить новую волну негодования Лейлы. Параллельно в сторис та записывала “бумеранги” с закатывающимися глазами и подписью: “Никогда не работайте с бездарями. @anutka.shtuchka — тупость во плоти. Желая моей норм ассистентке скорейшего выздоровления, зай”. У Ани в кармане зажужжал телефон — посыпались уведомления с сообщениями подписчиков Лейлы, жаждущих подробностей.

Спустя какое-то время девушки всё-таки вышли из дверей отеля. Вернее — вышла Лейла, Аня ползла. Съёмочная группа скучающе расположилась в узкой полоске тени соседнего здания. Вокруг них вились местные мальчишки — лет десяти, не больше. Их густые чёрные волосы, засаленные абхазским солнцем, переливались, а смуглые тонкие ручонки то и дело тянулись к груди оборудования, к язычкам молний, телефонам, плотно сжатых московскими руками. В какой-то момент Саша не выдержал и сунул им пачку своих сигарет, пожеванную карманом. Девтора торжествующе выхватила её и тут же исчезла: мальчишки с весёлым гоголом скрылись в соседнем закоулке.

— Так, пацаны, нам сначала на пляж. Я посмотрела по картам, это буквально одна минута пешком. Ну, десять от силы. Короче, ты, ты и ты. — Лейла направила острый коготок на Сашу и двух других парней. — Берёте оборудование и идёте со мной. Сколопендра, ты сейчас же находишь мне ледяное красное вино. А ты, — Лейла обратилась к парню в жёлтой кепке и белой футболке с пятном от какого-то соуса, — садись в номере и просчитываешь все маршруты по сценарию. Транспорт, короче. Понял меня?

Парень безразлично кивнул, все остальные тоже. Аня глубоко вздохнула и направилась на поиски ледяного вина. Конечно, она не могла скрыть любопытства, пробуждаемого новым, неизведанным местом. Сложно сказать, что за годы жизни в Москве она много гуляла или посещала какие-то классные места. Нет, совсем нет. Но в такой вот ограниченной по времени поездке ей больше всего хотелось как можно больше увидеть, запечатлеть, поснимать и, разумеется, поделиться с подписчиками. Обычно красивые фотокарточки моря повышают охваты — всем приятно смотреть на идеальную картинку беззаботной жизни вблизи моря. Она с большим интересом пялилась на вывески магазинчиков, сувенирку, местных, скучающих в тени зелени и играющих в нарды на картонке, бездомных собак, караулящих что-нибудь съестное у магазинов. Аня восхищалась этой зарисовкой, зарисовкой жизни, кадром оживлённой фотоплёнки, по ощущениям, тридцатилетней давности.

Аня подошла к одному из ларьков с красочной вывеской “У Армана”. Под стеклом запотевшей витрины — стройные ряды пластиковых бутылок с иссиня-бордовым содержимым. Рядом — бутылочки поменьше, толстобочные, с чем-то прозрачным внутри. Под потолком — ширма разноцветной чурчхелы, тут же какие-то бусы с безвкусными камушками, браслеты на кожаных шнурках, на прилавке — заводские стеклянные баночки с мёдом и мешочки с крымской лавандой. На нагретом листе железа позади продавца — несчётное полчище магнитов: “О. Рица”, “Абхазия”, “Гагра”, “Сухум” — некрасивым жёлтым курсивом.

Продавец в лёгкой осенней куртке и твидовой кепке курил и дымил, не доставая изо рта сигарету. Его загорелое лицо было испещрено глубокими морщинами, гармошка седых усов время от времени изгибалась — сухие губы выпускали клубы дыма. Арман, — вероятно, так его звали — привстал, увидев Аню, начал предлагать на пробу вино, сыпать комплиментами в лучших кавказских традициях, спросил: “Какими судьбами?” — попросил покрутиться: “Ну, очень красивый девушка!” Аня с кокетливым удовольствием с ним болтала — она так соскучилась по чьему-то вниманию, милости общению и даже флирту, что не удержалась от соблазна просто поговорить. В тот момент раздался телефонный звонок.

“Аня. Аня! Какого... Ты где пропала, а? Придурочная! Вино где? Ты гонишь, что ли?! Аня, ты вообще, что ли? Ты... Ты охрелела?! Быстро сюда дуй! Тварь неблагодарная!”

— Ёлки-палки... — Она схватила первую попавшуюся бутылку вина и бежала в сторону пляжа, держа её за крышку, чтобы не нагревать содержимое теплом рук. Она бежала по наитию, увидев лишь направление, куда пошли остальные ребята из съёмочной группы. Пару раз пришлось спросить у местных бездельников, лениво сидящих на скамейках у домов, где пляж. Они отмахивались и нехотя педили сквозь редкие зубы: “Тама”.

Наконец, перед Аней открылась широкая панорама моря. Штиль. Абсолютный штиль. Умиротворённый солнечный диск будто бы застыл высоко в небе. Ничто не смело шелохнуться. В это мгновение Ане казалось, что она соприкасается с чем-то великим и важным. Исчезли звуки, пропала суета. Линия горизонта уходила далеко-далеко, мелкая галька путалась под ногами с каменным глухим перестуком. Аня не виделась с морем с того самого последнего дня в Алушке. Сейчас она стояла и молча смотрела на водную гладь. Пальцы ныли под весом пластиковой бутылки вина. Аня глубоко и жадно дышала, останавливая одышку.

Следующий кадр она представляла со стороны. Тонкие, но сильные руки хватают Аню за плечи и трясут в истерическом припадке. Лейла разворачивает её и держит лицо крепчайшей хваткой, сминая покрасневшие щеки и потрескавшиеся губы.

— А-а-а... — эхом разносится по пляжу её отчаяние. — А-а-а...

Лейла, уже без попыток скрыть свои эмоции за чёрными очками, скидывает их. Одно стёклышко, вылетев из оправы, налетает на камешек. Аня видит красное опухшее лицо напротив себя, ужасно красивое в своём безобразном отчаянии. Лейла ревёт и жадно хватается воздух ртом. Дыхание сбивчивое, неравномерное. Истеричное.

— Муня где?! Собака где?! Чтоб сейчас же была здесь!

В голове Аня прокручивала момент, когда исчез Муня. Ей казалось, он, как на липучке, всегда рядом с Лейлой. Мысли путались, смешивались, подгоняли друг друга, становилось нечем дышать, она потела со страшной силой. Из глаз посыпались слёзы. О чём она плакала? О чём жалела? Или, может, кого?

— Ты! Ты! — ничего больше не может сорваться с губ Лейлы. И вместо того, чтобы свернуть Ане шею, руки Лейлы обвивают её в ослабленном, безысходном объятии. — Я... Я... Я никогда не... не любила никого так... так, как Муню! Да куда... Ку-куда он... п-п... п-пропа-ал?!

Аня не понимала, что ей следовало сделать? Начать успокаивать — слишком рискованно. Ведь, скорее, это она виновата. Не уследила, не позаботилась, да ещё и это дурацкое, странное объятие Лейлы — куда деть себя? Куда деть руки? Куда слинял этот кусок шерсти? А главное, в какой момент? Ворох мыслей крутился в голове Ани, пока на ее левом плече всхлипывала Лейла Гаджиева, держащая в страхе пол-Москвы и пол-Казани.

Момент странной, необъяснимой слабости вскоре закончился. Лейла отстранилась и резко надела пуленепробиваемую маску, подняла очки и попыталась вставить стёклышко в оправу. После двух-трёх неудачных попыток она спокойно убрала их в карман, достала сигарету и закурила.

— Собаку искать. Быстро.

Аня безмолвно всучила Лейле бутылку вина и побежала к отелю. До этого она никогда не сталкивалась с подобным. “Наверное, его надо звать? Да... Муня-Муня-Муня! Мунечка! Мальчик!” Она, казалось, сотни раз прокричала это имя, тысячу раз причмокнула и посвистела. Но Гагра никак не реагировала. Будто бы все попытки Ани обращались в никуда. Всем было наплевать, что растрёпанная, потерянная девчонка носится по улице и кричит дурниной, до хрипоты, повторяет одно и то же, словно в истерическом припадке, одно и то же: “Муня, Муня, Мальчик!” Местные лишь изредка шептались — для них такое событие казалось поистине историческим и интересным. Две старухи, подпиравшие морщинистые подбородки клюками, Аню начали обсуждать и открыто ворчать, мол, совсем туристы распоясались —

кричат да беспорядок устраивают. Аня никак не реагировала. Ноги несли её куда-то, казалось, без определённого направления и цели, она плакала, да, остро и горячо переживала, что же дальше. Она бежала вдоль главной улицы Ардзинба, огибала толпы туристов и не переставала кричать. “Муניה, мальчик!” В какой-то момент дыхание её сбилось настолько, что она больше не могла бежать. Ноги гудели, не слушались, запутывались, а потом и вовсе подломились под весом боли, переживаемой ею в тот момент. Она рухнула на первую попавшуюся скамейку и глухо, беззвучно зарыдала.

— Да никому я не нужна! Какой толк во всем этом, блин! Я думала, что эта поездка — мой спасательный, как его, круг! А это... А это хрень какая-то, я бегая, ношусь вокруг взрослой тётки, которая ведёт себя, как бытовой инвалид, спасаю чё-то её собаку, терплю изо дня в день такие издевательства! Да это хуже всего на свете — перестать чувствовать себя че-ло-ве-ком! А я и не чувствую! Это ж надо было, а! Тупая, тупая, тупая! У меня даже бабок нет отсюда свалить! Идиотка, дура, просто дура! Поверила, блин, что у меня может быть что-то нормально! По-человечески! Ага! Ага!

Аня топтала пыль под своими ногами и даже пнула скамейку, когда вставала с неё.

— Сука, Муניה, где ты ходишь, а?! Либо ты сейчас находишься, либо я тебя назло найду и избыю до смерти, гадёныш! Просто негодяй!

Аня свернула налево с основной улицы и грозно, ненавистно кричала матом. Дорога вела к пляжу — как оказалось, она далеко зашла вдоль побережья. Здесь галька была помельче, с моря принесло кучу мусора и каких-то веток. Аня пинала их, пинала гальку, порождая каждым таким шагом фонтанчик из камней.

— Муניה, засранец! Где! Ты! Ходишь?! — повторяла она, не думая о том, что никогда не получит ответ на свой вопрос.

В этой части пляжа совсем не наблюдалось людей. Только безмолвное, спокойное море, перебирающее гальку у берега. Аня вспоминала, как после школы ходила купаться с парнями, как мать ругалась и запрещала без её ведома тусоваться на пляже. Елена Ильдаровна первым делом проверяла её вещи — влажные ли? Соврала ли Аня? Если вдруг она обнаруживала, что да, то легонько таскала дочку за волосы по дому — в исключительно воспитательных целях. Сейчас Аня не понимала, что испытывает, что такое колышется в груди. Всё смешалось, всё сломалось, всё издевательски смеялось над ней.

Она достала телефон. Сделала пару снимков и тут же выложила в сторис с отмеченным местоположением “Греесе”. Подписчики моментально активизировались — “Огооо!! Ты в Греции, прикольно)”, “Аня, куда пропала? Ты ок? Ответь мне, пожалуйста, очень хочется общения с тобой”. Она почувствовала какое-то облегчение, что ли, ощущение нужности. Эти люди — бесконечно безлики, эти люди для неё — всё. Подтверждение важности и весомости. Буйёк, за который она крепко держится. Буйёк, что не даёт ей потонуть.

Вдруг откуда-то справа послышался весёлый собачий лай. Аня сперва не поняла, что за мельтешащие фигуры виднелись вдаль, там, на широком бетонном пирсе. Девушка снова закричала жалобное “Муניה!” Силуэты приостановились на пару мгновений, а потом ринулись в сторону Ани, жалкой и потерянной, прямо к ней, видимо, в поисках чего-нибудь съестного. Две бездомные, ужасно долгоязыые собаки снесли её с ног и начали облизывать, прыгать в какой-то неподдельной преданной радости. Чуть поодаль стоял Муניה со своей удивительно невозмутимой мордашкой и какал на гальку. Аня чуть не взвизгнула от счастья, когда увидела его, согнутого в позе “собака мордой вниз”, хотя никогда до этого она не питала к нему особых чувств. Бродяжки вскоре отстали, вновь заиграли с щеголеватым на их фоне Муней — наступали на него неуклюже, пригибались, покусывали друг дружку за уши и громко-громко лаяли. В этот раз Аня не смела его упустить, поэтому схватила шпича на руки и понесла. Кажется, Муניה был ещё недавно счастлив. А теперь искренне не понимал, почему ему не дают поиграться с новоиспечёнными друзьями.

— Малы-ы-ыш мой, радость моя, солнышко, иди скорей к маме! Мамочка чуть не поседела, малыш... Ну, мальчик... Мунечка... — Лицо Лейлы смялось от переполнявших её эмоций. Она снова зарыдала, протяжно и жалобно, обнимая улыбчивого и ничего не понимающего шпица.

Теперь Лейла не выпускала пса из рук и глушила оставшуюся на дне липкую жижу прямо из бутылки. Парни из съёмочной группы где-то нашли шаурму и с большим аппетитом вгрызались в её рыхлое нутро. Аня устремила взгляд на водную гладь — море немного разволновалось. Тот день был явно не про съёмки. Безмолвное, какое-то грузное молчание нарушила Лейла.

— Ну... это... Мы ж с запасом приехали, да? Завтра отснимем. Да... Завтра будем работать. Мы, кстати, тарелку не разбили с вами, поэтому всё и пошло, э... по одному месту.

По коллективному лику съёмочной группы пробежала едва заметная сочувствующая улыбка. Они сидели на остывшей гальке и молчали. Солнечный диск устремлялся к горизонту, небо окрашивалось персиково-алыми мазками, редкие туристы бродили по побережью и время от времени делали фотки на память. Тётенька в цветастом платье держала на ладонке солнце, а её спутник всё повторял приказным тоном: “Левее, ниже! Да блин, повыше!” Лейла гладила Муню, отвернувшись от всех остальных, потягивала остатки вина из мутной бутылки. Через пару мгновений она вытрясла последние капли и плотно завинтила крышку. Похолодало, Аня укуталась в тренч и оглянулась по сторонам — до этого она даже не обратила внимание, что позади них — шикарная панорама зелёных, сочных тропических гор.

Лейла безмолвно всгала, отряхнулась и куда-то пошла. Все остальные сделали то же самое. Никакие слова не вписывались в эту поистине кинематографичную картину, обсуждения были неуместны. Аня шла следом, чуть поодаль от остальных, теребила в кармане вибрирующий мобильный и не смела посмотреть, кто ей там названивал. Скорее всего, это разъярённые соседи или хозяин квартиры. А может, мама в расстроенных чувствах хотела поплакаться о своём одиночестве. Всё это не имело значения. Аня смотрела под ноги и думала о том, что вот эти самые кроссовки пережили с ней миллион тусовок, поцелуев и дурацких событий, а теперь вот бессмысленно шаркают по вечерней Гагре.

Глава 9. Ты как, кофе, чай?

Двери лифта с блестящим металлическим блеском распахнулись на нужном этаже. Аня тихо восторгалась серым ковровином, по которому ей было так приятно и мягко идти. К её огромному разочарованию, раскладушки в коридоре не оказалось. Ком досады сковал нутро, Аня готова была разрыдаться самыми жгучими слезами, сползти по белоснежным стенам вниз, на мягкий ковровин, и сжаться в беспомощный комочек жалости и безысходности. Она не понимала, в чём так сильно провинилась, что сделала не так, чем заслужила к себе такое отношение? Где ей теперь спать? Куда себя деть? Во что она вообще ввязалась? А где её вещи?

Только спустя пару мгновений Аня обратила внимание, что дверь номера Лейлы приоткрыта. Терзания. Смущение. Осмелиться? Дерзнуть? А вдруг снова разорётся? Хотя... А чего терять? И легонько потянула дверь на себя.

В полутьме номера Аня увидела очертания раскладушки, подкралась поближе. На тщательно заправленном одеяле лежали чистые сложенные полотенца, свежий халат и индивидуальный гигиенический набор: несколько голубых баночек, одна белая, зубная щётка и маленький тюбик пасты.

Лейла уже спала, из глубины номера Аня разглядела лишь два сверкнувших глаза Муни, который довольно растянулся на хозяйской кровати...

— Так, доброе утро. Умывайся. У нас сорок минут до завтрака, делаем макияж, подготовь мне шмотки, уютю на ресепе. Так... Муню накормить-напоить и из виду не упускать.

Аня сонно кивнула. Кажется, она постепенно въезжала в список обязанностей личного ассистента Лейлы Гаджиевой. Сегодняшнее утро не казалось

ей таким отвратным, как предыдущее — ласковые и скромные солнечные лучи играли на её подушке, тело приятно отходило ото сна, а Лейла в нерасторопной суете что-то искала в номере, сушила волосы и тискала собаку. Аня пошла в ванную, умылась быстро и тщательно, затынула волосы в высокий конский хвост, размяла плечи и в удивительно хорошем настроении шагнула обратно в номер. Лейла уже сидела около окна, разложив сундучок с косметикой, и, о боже, она улыбалась.

Аня вздрогнула, не зная, как на это реагировать. Поэтому решила сделать вид, будто бы ничего примечательного в этом дне нет — обычные рабочие будни, обычная утренняя шпаклёвка, обычная Лейла, обычный, мать его, Муня, греющийся у панорамного окна. Аня сделала Гаджиевой массаж лица с кремом, нарисовала брови, накрасила ресницы (о, как мучительно Аня задерживала дыхание, чтобы в очередной раз не облажаться), добавила лёгкий персиковый румянец и ещё чего-то, а потом, в заключение, протянула Лейле карманное зеркальце. Та слегка удивлённо кивнула и махнула рукой в сторону чехла для одежды, висящего на стуле.

Впервые Аня прочувствовала, что работает с настоящей звездой — такие чехлы для одежды, с вешалкой которые, она видела только в кино. И как-то было её восхищение, когда она, как бы со знанием дела, перевесила его через руку и, довольная, спустилась на ресепшн.

Ирена услужливо улыбалась. Было видно, что она ненавидит эту чёртову работу. Они как-то сочувствующе друг другу кивнули, когда Аня попросила уют.

— Хорошего дня! — пожелала Аня.

— И вам!

Аня спустилась в прачечную, натянула на гладильную доску белоснежную рубашку, огляделась по сторонам — в полутьме комнаты мигали лампочки стиральных машин, в углу валялся ворох отельных простыней и полупустые упаковки от порошка. Телефон снова настойчиво завибрировал, как вчера. “Мама. Входящий...”

Что-то перевернулось, сжалось внутри. Аня никак не могла найти в себе силы. Силы нажать на зелёную кнопку... Девушка просто выключила звук и продолжила глажку. Уют зашипел, своенравно плюнул водой и почему-то замигал.

— Ага, спасибо. Так, с Муней я уже вышла, он уже покушал. Налей воды, плиз, чтобы просто была в номере. Только не холодной. Ага... И спускайся вниз, будем ждать тебя за завтраком. Ты как, кофе, чай?

— Ч-ч-ай.

Аня снова не знала, куда себя деть. Что происходит? Почему внезапно наступил штиль?

Как оказалось, завтрак в их проживание был включён. Аня, кажется, вчера почти ничего не ела, да и в принципе забыла, что у её организма есть какие-то потребности. В светлом лобби отеля девушка пересеклась с Сашей, который сосредоточенно ковырялся в айфоне и, бросив на неё безразличный взгляд, кивнул в сторону ресторана:

— Там эта ждёт, быстрее.

— Ребят. — Лейла улыбнулась и оглядела всех собравшихся за столом. — Я бы хотела... Ну, с чего начать? Во-первых, всем доброе утро. Я рада вас видеть, очень здорово, что мы вот так вот все... собрались, завтракаем там... Э... Болтаем. Во-вторых, я бы, конечно... Я никогда этого не говорила, но! Да, блин, я бы хотела извиниться за вчерашнее и всё такое... Да в принципе... Ну, я не всегда могу отдавать отчёт своим эмоциям, блин, ну я... Я ж человек, правильно? Я... я ведь не железная. Я могу злиться, и всё такое, и там...

Парни из стёмочной группы как-то испуганно и вопросительно переглянулись. Лейла произнесла то, что всем было необходимо в этот момент, особенно Ане, которая даже подумала о том, что она не такой уж и плохой, безнадёжный человек, что предыдущие два дня — это какое-то помутнение, черновик, а на самом деле всё хорошо и здорово, они снимут классный материал, весело проведут время, наконец, подружатся, подпишутся друг на

друга в Инстаграме. Лейла продолжала что-то говорить, чертить на салфетках, отвечать на звонки, интересоваться, спрашивать, но Аня едва могла различать её слова. Лучше извинений она вряд ли бы что-то услышала.

Когда последние кусочки скрэмбла были съедены, все члены съёмочной группы отправились в номера за вещами и аппаратурой. Аня позавтракала очень плотно, жадно и с большим упоением думала о новом дне. Какой он будет? Куда они отправятся на сей раз? Городской пляж они уже посмотрели, по улицам вроде бы прошлись, с местными чуть-чуть, но всё-таки познакомились. Торговец, положивший на неё вчера глаз, что-то говорил про озеро Рица, главную достопримечательность, по его словам. Может быть, они и правда поедут на природу, в горы там, на озеро? Должно быть, здесь великолепные виды, богатая флора и фауна, а самое главное — безграничные возможности для журналистского творчества.

Аня поднималась в номер с хорошим предчувствием, каким-то тёплым предвкушением. Телефон снова завибрировал — пришло уведомление. На этот раз Аня наконец решила обратить на него внимание. Сперва она не поверила своим глазам. “Зачисление с карты. + 15000. VISA 2937 — Баланс: 15283 р”.

— Охренеть! От кого?! — не сдержалась она и прокричала на весь коридор. Женщина, выходящая из 311 номера, как-то осуждающе оглянулась и цокнула.

Изнутри доносились восторженные пискы. Да сегодняшний день она точно пометит в календаре как один из лучших. А кому, спрашивается, не приятно получать ранним солнечным утром баблишко на счёт? Да ещё и от анонима! Аня точно сорвала куш. Она думала о том, что первым делом, как выдестся свободная минутка, уточнит у своего астролога нынешнее положение планет. “Чё, Юпитер, что ли, заработал?” — крутилось у Ани в голове.

Но, по всей видимости, не заработал. Аня подошла к номеру, услужливо постучала два раза и распахнула дверь, не дожидаясь ответа. У входа её уже встречала Лейла. Она расставила руки на точеной талии, острые локти, подобно свёрлам, смотрели в стены, грудь заметно поднималась на каждом резком вдохе, губы сжимались.

— Лейла, ты чего? — приподнято спросила Аня.

— Чего?! И ты смеешь спрашивать “чего”? — Лейла медленно двигалась по комнате. Становилось душно. — Ты какого хрена сделала с моей рубашкой, а? Вот, подойди, подойди, полюбуйся. Это что, я тебя спрашиваю?! Ну, как с тобой работать, а?! Твою мать, любимая рубашка! Ты гонишь, что ли?! Вино, собака, рубашка, свет! Просто трэшак, такая ты конченная! Я искренне жалею, что твоя мамаша дебильная не сделала аборт!

Аня, будто бы не смея делать лишних движений, подошла к белоснежной рубашке, висящей на спинке стула. Сперва она не поняла, о чём идёт речь, но потом заметила прожжённое насквозь пятно в районе груди. Она тяжело вздохнула, зажала правую ноздрю, подышала, зачем-то посмотрела на потолок, потом на пол, сделала ещё один глубокий вдох и заговорила.

— Лейла, я сейчас же расторгаю договор и улетаю первым же рейсом. Если ты думаешь, что так разговаривать с людьми — это адекватно, мне тебя искренне жаль. А ещё, конечно, желаю разгрести внутреннее говнище. Я вижу, что тебе очень и очень хреново. Пока!

— Чё?! Да как ты смеешь! Ты чё, совсем с ума сошла? Как ты собралась договор-то расторгать, а? Такая деловая, я смотрю!

— Бумажки свои почитай. Я не виновата, что ты хрень всякую мыльную подписываешь. Всё, не смею больше задерживаться. Пока, Мунечка.

Довольный шпиц подставил пузико руке с отросшими ноготками. За эти два дня Аня толком не распаковала чемодан. Она вышла на улицу и дрожащими руками закурила. У неё не было ни дальнейшего плана действий, ни представлений, как добраться до Москвы, ни уверенности, правильно ли она поступила. Словом, ничего. Только пятнадцать тысяч на карте, чемодан с презентабельной, но не слишком, одеждой, пара тонких сигарет в пачке и айфон в рассрочку.

Колесики чемодана шумно тащились по асфальту. Аня шла вдоль улицы и фотографировала окрестности. К ней подбежали две бродячие собаки,

обнюхали чемодан и, разочарованные, унеслись прочь. Её окликнул продавец из сувенирной лавки “У Армана”, они как-то разговорились ни о чём, слово за слово, про Абхазию, про путешествия, про семью, даже посмеялись. Арман угостил Аню вином, раз уж она собиралась уезжать, дал номер таксиста, как-то даже по-отечески пожелал хорошей дороги и сунул два мандарина. Девушка сперва отказалась, а потом всё-таки их приняла. “Будет что вспомнить!” — промелькнуло в голове.

— Алло, мамуль, привет! А-а-а, это ты была. Да, получила, спасибо огромное! Да не стоило, ты чего! Это же очень много... Как дела? Да нормально дела. Вот, из института возвращаюсь, домашки много. С девчонками котлеты будем жарить сейчас. Спасибо! Ладно, побегу я. Целую, мамуль, спасибо ещё раз!

— Начинается посадка на рейс Адлер — Москва.

Глава 10. Крепко обнять? Или оттолкнуть?

Из почтового ящика торчали какие-то бумажки. Аня, обессиленная и уставшая, не обращая на них никакого внимания, ползла по лестнице с чемоданом на четвёртый этаж. Она словила себя на мысли, что всего за несколько дней отвыкла от квартиры, подъезда и даже города. Здесь гораздо холоднее, чем в Абхазии. Понурое, низкое небо, скучные пятиэтажки, облысевшие деревья и суровые, недовольные лица. Эти несколько дней подарили ей глоток свежего воздуха, красивую тропическую картинку, две ночи в элитном отеле, порцию витамина D, в конце-то концов. А теперь она снова осталась наедине с ремонтом ванной, оплатой квартиры, беспорядком на кухне и тупой, ноющей болью внутри. Аня облокотилась на стену прихожей и тихонько сползла вниз. Теперь она уж тем более не понимала, в каком направлении ей двигаться, двигаться ли. А не проще ли найти какого-нибудь богатого мужичка? Или взять очередной кредит?..

Последующие две недели Аня провела в диком опустошении. Она бесцельно слонялась по квартире, пыталась вести Инстаграм, делать вид, что всё замечательно, готовить красивые завтраки, писать жизнеутверждающие посты и записывать сторис. Аня искусно делала вид, что всего этого не было. Ни Игоря, ни Леры, ни Лейлы, ни спонтанного неудачного путешествия, ни кредита, ни кражи.

Казалось, она и сама поверила в свою ложь, снова. Доверилась иллюзии, дала ей волю. И, наверное, к счастью: всё вроде бы возвращалось на круги своя. Активизировались рекламодатели, она потихоньку закрывала долг перед соседями. Несколько раз заезжал Антон, она отработывала аренду квартиры до синяков на коленях, шептала ему на ушко непристойности и извивалась в наигранном экстазе. Ане хотелось думать, что она чуть-чуть в него влюблена, а потому и не стыдно.

В тот вечер она приготовила капрезе. Огромную тарелку. Ей ужасно хотелось поужинать на балконе, пускай на улице уже ощутимо похолодало. Она накинула плед, обвила вокруг перил гирлянду, вытащила столик для летних инста-завтраков, налила вина и многозначительно посмотрела вдаль. Ну, только один разок. Всё остальное время она жмурилась от холода и пыталась красиво сфотографировать ужин.

Аня вдруг впервые подумала о том, что вся эта история с Абхазией поменяла её, что она переплюнула саму себя, когда отшила Лейлу Гаджиеву и сказала излюбленную психологами фразу: “Со мной так не надо”. Да, она определённо гордилась собой. И знала, что теперь жизнь её пойдёт совсем по-другому.

Глава 11. Курица, включи телевизор

— Жанна, ну, вы просто потрясная, очень красивый цвет, очень. Вам так идёт, вы знаете, с глазами отлично сочетается. И прям такая молодая сразу! Ой!

Аня порхала вокруг дамы в возрасте, сидящей в кресле парикмахера.

— Может, вам это, шампанского? А чего? Понедельник — день тяжёлый, так почему бы его не облегчить?

Женщина кокетливо засмеялась и кивнула. Вскоре в её жилистых старушечьих пальцах, увешанных перстнями, оказалась тонкая ножка бокала-флейты. А у Ани в Инстаграме высветилось сообщение:

leyla.gadzhiyeva написал(-а): “Курица, включи телевизор, наш фильм на Пятнице”.

— Жанна, я на минутку отойду, ваш мастер сейчас подойдёт. У нас же с вами маникюр ещё, правильно?

— Да, Анюта, конечно-конечно. Вы не переживайте, всё очень хорошо.

Аня вышла на ресепшн, взяла пульт от телевизора и нащёлкала канал “Пятница”. Там друг друга сменяли виды Гагры, плыла красивая музыка. На экране возникло красивое лицо Лейлы:

— Вот такая она, Абхазия.

Следующим кадром размеренно поплыли титры: “Автор сценария Лейла Гаджиева. Ведущая Лейла Гаджиева. Режиссёр Александр Жмыхов. Оператор Александр Жмыхов. Звукорежиссёр Валентин Кротов. Монтаж Полина Доля, Виктор Семичев, Валерия Дудкина. Ассистент Анна Цвилёва, без которой этого фильма не было бы”.